

The background of the cover is a stylized illustration. In the upper left, a large eagle with dark feathers and a light-colored head is shown in flight, its wings spread wide. Below the eagle, a man with long, wavy brown hair and a beard stands on a rocky, mountainous terrain. He is wearing a dark, heavy coat with a high collar and a light-colored, possibly white or silver, cross-shaped emblem on the chest. He holds a long, dark staff or sword in his right hand. The landscape consists of rolling blue and purple mountains under a sky with a gradient from purple to yellow, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is reminiscent of classic fantasy book covers.

Елена Гуйда

Рель
Год Стального
Ястреба

Хорошо живется колдунам в Таххарии. Все их почитают. Боятся. Не смеют перечить. Слушают слово их наравне с царем и воеводой.

Но что если боги обделили тебя даром колдовским? И если род твой начало ведет от первых и самых сильных таххарийских колдунов? Винить богов в своем несчастье? Сетовать на судьбу? Или... Может искать свой путь? Но есть ли он у того, кто не может примириться со своей судьбой?

Год Стального Ястреба, как известно, год охоты и свадеб. Потому в год этот чаще всего в мир приходят лучшие следопыты, охотники, воины. Те, кто ни за что не минуют своей добычи. Те от кого невозможно уйти. Те, кто всегда получают то, что хотят или добиваются этого любой ценой. И чем недостижимей добыча, чем сильнее она сопротивляется, тем слаще победа.

В Год Стального Ястреба, приходят в мир самые сильные колдуны. Те, кому под силу изменить привычный и правильный ход событий. Перекраивать мир, по своему разумению. Те, кому сами боги и светлые и темные, благоволят.

Я, пришедший в этот мир в год Стального Ястреба, знал это с самых пеленок. Помнил из сказок, что рассказывала на ночь мать. Слышал в шелесте листьев в лесу, треске сухих веток, в голосе ветра. В запахах, что ловил чутким обонянием.

— Ты станешь великим колдуном. — повторяла мать, глядя на меня своими черными глазами. — Перед тобой склонят головы и цари, и князья.

Жаль, что дар ее не был пророческим.

И мать, которую даже за глаза называли не иначе как Колдовка Соальвианна, и отец, Хальтран, уже давно были, починаемые на всю таххарийскую столицу Тверхем, колдунами. С их словом считались властимущие от мелкого чиновника или городского стража, до царя и генерала. И имена их никогда не сокращали и говорили шепотом. И потому, мать никогда не опускала глаз, не смотрела на людей. Я часто видел, как она, тонкая и маленькая, одним взглядом могла заставить сжаться опытного воина. И тогда она казалась выше, могущественней, властней самого царя.

Отец был немного другим. Рожденный в Год Янтарного Волка он был жесток с врагами и суров с теми, кого считал друзьями и близкими. Я думал, что нет в мире колдуна, который смог бы превзойти его в силе. В его янтарных глазах читалась мощь, с которой считался любой.

— Есть, Кельвар. Власть колдуна в страхе. Люди боятся того, что не могут объяснить, понять, и этот страх дает нам больше чем дар. Но стоит им понять, что даже не смотря на дар мы смертны...

Отец уже тогда учил меня быть колдуном. Собранным и властным. Рассказывал о тайнах, которые недоступны другим. Учил обрядам и мертвым письменам. Открывал мир, полный красок и запахов силы. Той силы, которой я должен был ощутить по праву рождения. Рассказывал, чем отличается дар колдуна и колдовки.

— Дар колдовки, Кель, внутри нее. Она может видеть, впитывать, ощущать. Редко случается, что она силу отдать может, вложить в заговор или создать амулет. Или же сплести заклятие. На такое единицы способны. Да и то тяжело им это дается. Колдун же наоборот. Чувствует и видит редко. Его сила наружу рвется. А вот почуять или увидеть что, ему не под силу.

Я же ловил каждое его слово. Повторял про себя, чтобы не дай великие боги, не забыть. И ждал, когда проснется мой собственный дар.

И как же я завидовал старшей сестре. Рожденная в Год Огненной Вороны, маленькая и

хрупкая Таллианна, открывшая дар, в одиннадцать лет, была их гордостью и счастьем. Мать не отходила от нее. Обучала, рассказывала, объясняла.

Талли менялась на глазах. Порыжели волосы, а глаза наливались огненными сполохами. В чертах появилось что-то хищное. Заострился нос, четче очертились скулы и запали щеки, а кожа стала отливать золотом. Она стала еще тоньше. Пальцы стали похожи на куриные лапки с острыми коготками, окрашенными, как сполохи огня. И даже запах ее изменился. Пахла она теперь жаром, или даже лучше сказать огнем.

А мне же мать повторяла, что однажды я стану великим колдуном. И я верил. Всем сердцем верил. До того дня. Того проклятого дня, когда я вмиг лишился всего. Дома, семьи, веры и мечты.

В мальчиках колдовской дар просыпается раньше. Где-то в восемь-десять лет. И развивается быстро. Часто в двадцать-двадцать пять колдун вступает в полную силу и с тем же остается до самой смерти. У колдовок все иначе. Их сила редко просыпается раньше, чем роняют первую кровь, и растет дольше, но продолжительней. Бывали случаи, что колдовки развивали дар до глубокой старости. Правда, редко. И все же бывали.

И вот я ждал. Подпитывал надежды и ожидания, вспоминая слова колдовки, которая была моей матерью. Но год шел за годом. А я оставался все таким же простым человеком. «Пыль». Так называла таких людей колдовка Сольвианна. И я с ужасом понимал, что сам этой «пылью» так и останусь. И в первую очередь для нее. Все чаще я ловил на себе ее задумчивый взгляд. Все чаще в ее глазах мелькало презрение. А порой даже боль. Или брезгливость. И я чувствовал, что действительно перед ней виноват. А в голове все реже звучало «ты станешь великим колдуном». И все отчетливей понимал — не стану.

Понял это и отец.

Это был Год Красного Зайца. Именно в этот год часто реки судьбы меняли свое русло или даже поворачивали вспять. Именно он напоминал людям, как все изменчиво и непостоянно. Именно он давал понять, что даже самый матерый и сильный хищник однажды тоже может стать добычей.

Моя же река остановилась и, как мне тогда казалось, пересохла.

В тот жаркий летний день, день моего четырнадцатилетия, я должен был предстать перед Высшим Колдуном Таххарии.

Теольшатам Черный пес. Таких, как он, боялись. Боялись безотчетно. И даже колдуны склоняли головы перед ними.

Вот и мне было страшно. Страшно ступать на желтые ступени Главного Храма Тверхема. Страшно смотреть по сторонам, или даже просто поднять голову и оторвать взгляд от полированных плит под ногами. Страшно взглянуть в глаза Черному псу... Но не Тоельхатама боялся, а того что он может сказать. И он сказал:

— В этом мальчике нет и капли дара, Хальтран.

Отец ничего не сказал. Ни слова. Развернулся, и даже не оглянувшись и разу, на застывшего и прижатого к земле грузом боли и стыда, меня. А мне было стыдно. Стыдно посмотреть в глаза матери и увидеть разочарование. И страшно поймать на себе тот взгляд, которым она награждала «Пыль».

Так и случилось. Отец все так же молчал. Но это было тяжелое молчание. Один взгляд в ее сторону, который я едва успел заметить. Быстрый, и все в него он вложил больше, чем смог бы вложить в тысячи слов. И боль разорвала все внутри. Я стал чужим в этом доме.

И она тоже не сказала и слова. Просто развернулась и ушла.

— Позор нашего рода! — сказала Талли, и я увидел ненависть в ее оранжевых глазах, сжался, ожидая новых слов обвинения. Но...

Это было все, что она тогда мне сказала. Больше я никогда не слышал ее голоса обращенного ко мне. Больше она не видела во мне маленького любимого брата. Только «Пыль».

И я остался один. В огромном доме, который столько лет оберегал меня от всего мира.

Дом, полный прислуги и рабов, стал пустым. Или я исчез для него. Дом, в котором некогда чувствовал себя счастливым. Он казался теперь тесным. Душил. Гнал прочь от своих стен, в которых не смел искать защиты, такой как я.

И я убежал.

Бежал по узким наводненным людьми улочкам Тверхема. Горло и нос обжигали тысячи запахов. Таких насыщенных, что начинала кружиться голова. Уши резало нестерпимо громкими звуками. И я бежал от них. Наталкивался на кого-то, сбивал с ног. В спину летели проклятья и ругань, но я ни на миг не остановился. Казалось, что кто-то гонит меня в спину подталкивает. И еще... что стоит мне оглянуться и на месте дома, в котором я вырос, увижу руины. Стоит остановиться и меня снесет волной отчуждения и неприятия.

Свернул в переулок. Не помню уже, как выбрался на крышу. И только там позволил себе остановиться. Перевести сбившееся дыхание. Окинуть взглядом столицу, похожую на крепость из песка. Взглянуть, как копошиться внизу толпа тех, кого мать называла пылью.

Что делать дальше? Куда идти?

— Учти, бросишься с крыши, отдирать тебя от плит никто не будет. Здесь паскудно убираются.

Я услышал ее голос чуть позже, чем ощутил запах. Она не таилась. Шла ко мне, легко, как кошка, ступая по крыше. Девушка, чуть старше меня самого. Обычная, без капли дара. И все же маняще красивая. Светлые волосы и карие глаза, чуть округлые щеки и, очерченные рубашкой и мужскими штанами, изгибы. Никакой присущей колдовкам худобы. Обычная. И в то же время притягательная. И я испытал что-то, чего доселе не испытывал никогда. Застучало бешено сердце, пересохло в горле... Она пахла пряным тэрхи и мятными леденцами. И этот запах щекотал нос, словно выбившееся из подушки перо.

— Ты кто? — спросил я, удивляясь хрипote в голосе.

— Сати, — улыбнулась девушка. — А ты?

— Кельвар.

— Колдун, — и в ее голосе прозвучало столько презрения, что я даже опешил.

Следовало бы вскинуть подбородок и поставить ее на место. Но, наверное, был слишком удивлен ее реакции, чтобы это сделать. Или просто душевные силы оставили меня, когда Черный Пес вынес приговор.

— Я не колдун, — почему-то сказал я.

Получилось жалко. И я поджал губы.

— Хорошо. Ненавижу колдунов, — вмиг повеселев, сказала она.

— За что?

Она пожала плечами:

— А за что их любить? Заносчивые высокомерные твари.

В ее словах было столько ненависти, что я поперхнулся своим возмущением. Понял, что скажу хоть слово в защиту ненавистных ей колдунов и больше не увижу ее. Потому смолчал. Трусливо смолчал, боясь снова остаться в одиночестве.

— Хочешь тэрхи?

Я кивнул. Просто потому, что не хотел ее отпускать. Я готов был пить горячий, горький и резко пряный тэрхи, только чтобы быть рядом с ней. Той, которая не смотрела на меня, как на пыль. Хотя бы сейчас. Пока так сложно найти твердую почву под ногами.

— Тогда я покажу тебе, где продают лучший терхи в столице, — весело сказала она и легко спрыгнула на балкончик, чуть выступающий из-под крыши. — Ну, что стоишь? Идем.

И я пошел за ней. Даже не зная, что именно в этот день река моей жизни прокладывает новое русло.

— Я поступаю в военную академию, — коротко сказал я, обращаясь к спине отца, сидящего с бокалом вина в своем кабинете.

В его, всегда чистом и светлом кабинете, сейчас царил полумрак, разрываемый только одиноким язычком пламени, танцующем на фитиле свечи. В воздухе стоял кислый запах вина.

Отецпил. Просто запивал досаду за недоразумение, которым боги имели великодушные наградить его, потомка нескольких поколений сильнейших колдунов.

— Откуда такое решение? — спросил он устало, и я снова почувствовал, как виноват перед ним, перед матерью.

И, наверное, именно поэтому не смог рассказать ему о девушке по имени Сати, которая так ярко и искушающе рассказывала о военной академии, в которую поступила еще в прошлом году. И пусть она не скрывала, как сложно ей было в ней учиться наравне с мужчинами, она была счастлива там.

— Уже сейчас я могу начистить рожу любому, кто косо на меня глянет, — с гордостью говорила она. — А к концу обучения стану настоящим воином.

И даже сейчас, стоя перед отцом и говоря о том, что изменит всю мою жизнь, я улыбался. Перед глазами был не провонявший вином сумрачный кабинет отца, а ее довольная улыбка. А нос щекотал пряный запах терхи.

— Я так хочу, — только и сказал я отцу.

И он кивнул. Наверное, он хотел что-то сказать. Но только вздохнул. И только мой, почти звериный, слух позволил услышать, что это был вздох облегчения. Я не нашел в себе сил подумать об этом. Хотелось скорее убраться из этого дома подальше.

Потому, несмотря на то, что на город уже давно опустились сумерки, а на небо высыпал мелкий жемчуг первых звезд, я собирал вещи. Лихорадочно, быстро. Нужные и ненужные, не желая оставлять здесь даже упоминания о себе. Мать ни разу не зашла ко мне. И этому я был только рад. В ту ночь я чувствовал, как рвутся нити, который связывали меня с родом сильнейший таххарийских колдунов. Как трещит мой, много лет лелеемый, мир. Следовало бы жалеть. Страдать. Или что там положено делать, когда навсегда уходишь из отцовского дома. Понимаешь, что никогда не посмеешь больше первым заговорить с собственными родителями. И возможно они даже пройдут мимо, встретив тебя на улице, чтобы не марать себя разговором с простым человеком.

И все же чудилось, что это не треск разваливающегося на части мира, а так лопается скорлупа, что прятала от меня мир. И пусть он был другим. В нем не стояло колдовство на первом месте. И все же он тоже был необыкновенным. Особенным. И пах он приключениями, тэрхи и мятными леденцами.

Я ушел с рассветом. Никто не вышел меня проводить. Никто не выглянул в окно. Не сказал и слова напутствия. Словно и не было меня. Словно и не называл никто молодым господином, дорогим сыном, любимым братом... Больно? Больно. Но это была та боль, которая заставляет не просто идти, бежать вперед.

К военной академии я прибыл к полудню.

Тяжелые ворота из таххарийского дуба, окованные железом, были закрыты, оставив

лишь небольшую калитку с маленьким окошком. В нее я и попробовал пройти. Именно попробовал. Потому как едва переступил высокий порожек, как получил удар под дых такой силы, что воздух разом вылетел из легких, и я рухнул на колени прямо в пыль.

— Кто? — раздался голос над головой.

— А ты? — едва сделав вдох, спросил я.

— Не дорос вопросы задавать. Кто?

От удара ногой в живот я увернулся каким-то немыслимым способом. И тут же встал, чтобы если не обороняться, то хоть уворачиваться от ударов. Но их не последовало. И все же я не спешил расслабляться. Подумал только, встречали ли здесь Сати так же?

— Зачем ты здесь, сын колдовского рода? — уже спокойней спросил страж.

И я позволил себе расслабиться. Взглянуть на него. Высокий, лет двадцати на вид. На первый взгляд обычный человек. И все же в нем ощущалось что-то опасное, хищное. Сразу вспомнилось, как легко перепрыгивала с балкона на балкон Сати. Наверное, я задумался. И снова получил молниеносный удар. В этот раз в челюсть.

— Я спросил — ты должен ответить. Итак. Кто ты и зачем пришел сюда?

Я сплюнул кровь, наполнившую рот и прошипел сквозь зубы:

— Кельвар Сальхэ. Хочу поступить в академию, — ответил я.

— Все еще хочешь?

Я не задумывался. Хоть, наверное, и стоило бы. Просто у меня не было другого пути.

— Да.

Юноша кивнул.

— Идем.

И он пошел, не оглядываясь, не проверяя, иду ли я следом. Я не задерживаясь, сцапал вывалянную в пыли сумку и пошел следом. Он сделал знак рукой в воздухе. И когда я оглянулся, у ворот уже стоял другой парень. А я так и не понял, где был тот другой, что занял место стража.

Мощенная, как и во всем Тверхеме, желтыми камнями, дорожка вывела к одноэтажному строению. Простое, без украшений, балконов, ставень. Разве что решетки на окнах. Желтый камень, грубо обтесанный, но подогнанный настолько, что щели в кладке можно было разглядеть, только приблизившись вплотную.

— Разрешите, лейтенант Дархо? — спросил парень, постучав в дверь.

— Да, — ответили из-за двери и мы вошли.

Кабинет лейтенанта Дархо был так же лишен всего, что можно было бы назвать лишним. Стол два стула. Шкаф с бумагами и тумба у стола. Огарок свечи, наклеенный просто на столешницу. Стопки бумаг, чернильница и перо. И идеальная чистота. Просто идеальная. Даже в нашем доме с более чем тридцатью горничными в штате, не бывало никогда такой чистоты.

И вот за столом сидел мужчина, возрастом приблизительно, как и мой отец, с темными с заметной проседью, волосами, могучими плечами, и такими же руками, без двух пальцев на правой и трех на — левой.

Юноша, который меня сопровождал, встал, натянувшись как струна.

— К вам посетитель. Кельвар Сальхэ. Желает поступить в ряды кадетов, — четко сказал страж и я невольно напрягся.

— Свободен, — буркнул лейтенант и парень, судя по всему тоже кадет, ушел.

Я остался стоять, не сводя глаз с лейтенанта. Разбитая челюсть ныла, а во рту не

пропадал привкус крови. Но меня больше волновало то, что мне предстоит сейчас.

— Принят, — сказал лейтенант Дархо, не поднимая на меня взгляда и продолжая читать какую-то бумагу.

У меня даже дыхание перехватило. Не совсем понимая, правда ли это я переспросил:

— Простите, что?

И тогда он все же оторвался от своих записей и взглянул на меня.

— Что не понятно?

— Все понятно, — сказал я почему-то, так ничего и не поняв толком.

— Через два кабинета направо тебе объяснят все подробнее. А сейчас пошел вон, — рявкнул он и я, кажется, понял, почему будущих кадетов так встречают. Просто чтобы не попадать в этот кабинет и не встречаться с начальством.

Мне и правда рассказали все. Что право посетить город у нас раз в месяц. Жить мы будем здесь все время обучения, и это обязательное условие. Чему я был несказанно рад. Кадетам полагается стипендия и питание. И даже то, что уйти мы можем в любое время. Это как раз было не понятно. Зачем поступать если не хочешь учиться? Хотя если бы знал, что меня ждет, то наверное не удивлялся бы.

А ждали меня казармы на более чем полсотни первого курса кадетов, из которых к концу года осталось едва больше половины. Изнуряющие тренировки с четырех часов утра, от которых ныли все мышцы. Лекции по математике, истории, стратегии, тактике, географии, политологии, культуре, при том всех смежных государств. Техника рукопашного боя, боя на мечях, стрельба из лука и арбалета. И многое другое. Иногда нас поднимали по тревоге ночью, и мы бегали или отрабатывали удары.

После трех недель этого издевательства, я впервые думал уйти. Но вспомнил, что уходить мне некуда и, сцепив зубы, с еще большим рвением продолжал учебу.

А уже через месяц из практики вернулся второй курс. А вместе с ним и Сати.

— Кельвар? Как же я рада тебя видеть, — сказала она после общего построения.

Я тоже был рад. О чем и сказал тогда ей.

— Это сначала тяжело. Потом привыкнешь.

Тогда я не поверил в то, что к такому можно привыкнуть. Но уже через несколько месяцев, понял, что уже не так болят мышцы, что даже ночью просыпаешься. Уже не так сложно записывать за тараторящим лектором. Все меньше синяков остается после тренировок и все легче преодолевать препятствия на площадке. Я привыкал. Действительно привыкал.

Но стоило немного расслабиться, как нас нагружали еще больше.

Сати ни разу не жаловалась. Хотя в те редкие часы, когда нам позволяли отдохнуть, мы редко разговаривали об учебе. Она рассказывала о семье, родителях, братьях, которые уже закончили учебу и сестрах, что уже выскочили замуж и с каждым годом все больше увеличивают и так не малочисленное семейство. А я все больше отмалчивался, а на ее вопросы о семье отвечал нехотя и односложно. И вскоре она оставила любые попытки меня разговорить. Но несмотря ни на что, я ждал этих посиделок. Мне нравилось даже просто сидеть с ней рядом. Вдыхать запах пряного тэрхи и мятных леденцов. Нравилось, как она отбрасывает волосы, как выгибается подставляя солнечным лучам шею и лицо. Как натягивается на груди черная кадетская куртка. И мне все больше хотелось обладать ею. Как женщиной. А с другой стороны не хотелось терять, возможно, единственного друга. И я отгонял от себя эти мысли. И пусть в академии не пресекались отношения между кадетами.

Не хотелось быть у всех на языке. Хватало и того, что на меня и так поглядывали косо, а Сати вообще пришлось доказывать свое право учиться здесь силой и ловкостью еще на первом курсе.

К тому же она была тем единственным человеком, который общался со мной просто потому что хотел. А не по делу. Все же здесь знали кто я. И кто мои родители.

Так и прошел год Красного Зайца и наступил Год Стального Ястреба.

В тот год, когда мне исполнилось пятнадцать, мой мир заиграл новыми гранями.

С того дня, как Черный Пес перечеркнул одной фразой всю мою дальнейшую судьбу, прошел год. Ровно год с тех пор, как я покинул родной дом и ушел по той дороге, на которую уже много веков не ступал ни один представитель нашего рода. Ровно год, как я зеленый и хилый пришел в стены академии. Год тяжелых тренировок и недоспанных ночей. Год зачитанных до дыр историй великих войн и сражений. Год, холодных зимой и душных летом, казарм. Год настороженных взглядов и едких слов. Которые, впрочем, менялись на более доброжелательные и порой уважительные. Год, который я впервые в жизни шел по своей дороге сам. Без родных и близких. Хотя нет. Это был год, когда со мной каждый шаг делала девушка с вспыльчивым ехидным нравом, огромными карими глазами и запахом пряного тэрхи. Которая, с каждым днем открывала мне мир, в котором живут обычные люди. Не холодные и надменные, как статуи в Главном Храме, а живые и теплые. Со светлыми улыбками и удивительными запахами.

И видят боги, в этот год я был счастлив.

Счастлив от того, что боль и усталость не позволяли думать о прошлом.

И все же порой, мои мысли возвращались к тем, кто так ни разу и не вспомнил обо мне. Те, кто когда-то были моей семьей, отреклись от родства. И пусть семейной книге я еще оставался, как единственный наследник мужского пола, но та запись была лишь завитушки на пожелтевшей бумаге. Иногда я злился на них. Иногда обижался. А порой думал, что лучше бы родился в доме булочника со светлым пухлым лицом и добрыми глазами, сыном которого был мой товарищ кадет Вел.

И все же я чувствовал себя счастливым.

Счастливым потому, что мое тело, незаметно для меня, приобрело силу и ловкость, о которой я и мечтать не мог. Теперь из зеркала на меня смотрел не подросток с тонкими руками и отчаявшимся взглядом, а кадет Кельвар Сальхэ. И он мне нравился. Высокий, черноволосый, загорелый и темноглазый. С прямым ровным носом и уверенным взглядом. И даже коротко стриженные волосы его не портили.

— Вы опора и защита Таххарии. Ее сила. Ее будущее. — вещал лейтенант Дархо поутру на тренировочной площадке. — Так что подтянулись, доходяги, и двадцать кругов по полосе препятствий. МАРИШ!!!

И никто не возмущался. Не стонал и не просился. Все кто не осилил — ушли еще в первые два месяца учебы. Остальные же или не имели другого пути или действительно хотели пройти именно этот.

В тот день я снова стоял на той крыше. День моего пятнадцатилетия. Смотрел на такую же пеструю реку людей, изворачивающуюся на узких столичных улочках. Горячий ветер, напоенный запахами города, овеивал лицо. Я вдыхал его полной грудью. Впитывал, разделял. Дворовая кошка... Булочник... Молочница... Аристократ верхом на лошади... Парень, только вышедший от любовницы...

Каждый запах, каждая отдельная нотка. Я мог стоя на крыше, рассказать, чем завтракал или занимался каждый. Например, девушка в мужских штанах и узкой сорочке, только что пила тэрхи на соседней улочке и ела мясной пирог. А сегодня утром была в академии...

И только после этого я понял, что это лавировала в толпе Сати. Но не стал ее догонять или окликать. Просто следил, как она быстрым уверенным шагом проходит мимо длинных рыночных рядов. Как склоняется над прилавком, что-то разглядывая. Как хмурится, закусывает губу...

Я смотрел на нее. Выделял из всех остальных ее запах и улыбался.

Улыбался шумной столице, жаркому солнцу, восточному ветру. Он и принес запах леса. Такой резкий, свежий, чуждый. Это был не сладко-терпкий запах таххарийских лесов. Он пришел сюда издалека. Оттуда где я никогда не был. И я начал рыскать взглядом по толпе. В душе разгорался азарт. Интерес. Чувство, словно у меня появилась возможность коснуться чего-то нового.

Они появились неожиданно. Трое. Женщина и двое мужчин. И мне, выросшему в семье колдунов, не составило труда разглядеть, кем они были. Женщина, невысокая и худощавая с тонкими и острыми чертами лица, светлыми глазами сероватой кожей. Волосы спрятаны под платок, повязанный на алларийский манер. Кажется, узлы накрученные на макушке, значат то, что женщина замужем. Но для себя решил посмотреть в учебнике. Рубашка длинной в пол, расшитая узорами, в которых если приглядеться, легко различить таххарийские защитные плетения, которые показывал когда-то мне отец. Синий широкий пояс. И золотистое плетение брачных татуировок на запястьях.

Мужчины были высокие. Один старше, второй моложе. Старший был шире в плечах его глаза отливали золотом. Младший был светлым, почти белым и с такими же светлыми глазами. И я даже подался вперед, стараясь разглядеть в нем черты присущие колдунам. Даже захотелось слезть и подойти к ним ближе. Но не шелохнулся.

Оба были одеты, как обычные охотники, пришедшие с западной границы.

Их запах, свежий, немного горьковатый с нотками сладости и прелых листьев.

Она улыбалась. Улыбалась как жена булочника или торговка. Как обычный человек. Смотрела на мир с восхищением ребенка. Что-то говорила мужчинам и смеялась. Примеряла ожерелье из стекляшек и ракушек и лукаво подмигивала старшему охотнику. Он улыбался в ответ, обнимал за плечи, целовал в макушку.

Тогда я подумал, что мне мерещится. Что не может колдовка быть такой. Или может то из-за того, что алларийка? Так и не алларийка вроде. По всему видно было, что кровь в ней таххарийская.

Окончательно сбитый с толку, я попытался сравнить ее со своей матерью. Внешне они были даже чем-то похожи. И в то же время совершенно разные. И дело не в одежде или цвете глаз. А вот в чем, я так и не мог понять.

И тут она развернулась и посмотрела мне просто в глаза. И пусть между нами было достаточное расстояние, чтобы я мог быть уверен в том, что она, не обладая звериным зрением, разглядит меня достаточно хорошо. Все же по спине пополз строй мурашек. Теперь, когда она смотрела мне просто в глаза, я смог разглядеть их цвет. Цвет расплавленного серебра. Или жидкой ртути. С точкой черного зрачка.

Ее веселье и беззаботность растаяли, как снег под солнцем. Сейчас она была напряжена и сосредоточена. Даже вздрогнула, когда старший мужчина обнял ее за плечи, что-то шепнул на ухо. Жаль, что я не мог расслышать, о чем он говорил. Она ответила, так же тихо. Как шелест сухих листьев. И так же пристально разглядывая меня. А после улыбнулась и махнула рукой, подзывая.

Видят боги, я был растерян и сбит с толку настолько, что поднялся и направился к ним.

Двигал мной не страх, перед колдунами, который заставлял всех и каждого склонять головы и гнуть спины. Мне было любопытно. Кем была женщина, с даром, но совершенно непривычная, необычная, чуждая.

Ноги сами несли меня к ним. Толпа обтекала застывших в ожидании пришлых потому последних пять шагов, что нас разделяли я прошел гордо вскинув голову и глядя на них, а не изгибаясь и пробираясь между вечно спешащими куда-то жителями столицы.

И вот приблизившись к ним, я застыл, не совсем понимая, зачем вообще подошел. Почему так спешил? Или это и есть ее дар? А почему нет, может она умеет подчинять волю других людей. А по тому, как мерцали сейчас ее глаза, ясно было, что дар у нее сильный. Она казалась старше, чем на первый взгляд. В уголках глаз затаились морщинки, которых у колдовок разглядеть невозможно было вплоть до самой старости. Уж слишком мало эмоций они проявляли, чтобы морщинки эти проявиться могли. И в то же время какой-то юной, свежей, полной жизни и счастья.

Я поймал себя на том, что мне нравится она. Вот такая живая и светлая. И покраснел, когда она тихо засмеялась.

— Ты тоже мне нравишься, — сказала она и я покраснел больше прежнего.

Она сделала полшага вперед, оказавшись совсем близко. Так близко, что кроме ее лесного запаха я не чувствовал больше ничего.

— Меня Крысой зовут, — сказала она чуть склонив голову к плечу. — Мать Кристианной назвала, а муж, — она чуть улыбнулась, взглянув на старшего охотника. — Тианной. А тебя звать как?

Я ошарашено молчал. Как такое быть может. Колдовка, сильная колдовка. А имя свое коверкает, как попало. Если бы мать моя хоть кому такое позволила. Ни мужу, ни детям, ни разу не разрешила, ни на букву имя сократить. Колдуны имя свое берегут, больше чего другого. А эта... у меня даже слов не было.

— Ну что не так? — нахмурилась она. — Или имени не помнишь своего? Или тайна страшная? — подмигнула она мне.

Просто так подмигнула, как дочка швеи с Драконьей улицы, куда я за рубашками новыми заходил.

— Кель, — почему-то тоже сократил свое имя.

Поначалу, когда в академии кадеты сокращали мое имя, я злился. Даже дрался, думая, что так меня унижить пытаются. От того на меня смотрели косо, и поговаривали, что я малость не в себе. Но потом привык. Сейчас же впервые сам имя сократил.

— Кель, — чуть растягивая мое имя, от чего оно показалось похожим на густую карамель. — Хорошее имя. Это муж мой, Альвар, — взяла она за руку старшего мужчину, а я невольно отметил, что не только колдуном он был, но еще и воином. — И сын, Дайко.

На сына она смотрела с такой нежностью, что у меня внутри все сжалось. А ведь и капли дара в нем не было. Светловолосый и голубоглазый. Высокий, поджарый и возможно в своих лесах был лучшим охотником. Но колдуном не был. Обычный, как я или Сати, или любой другой кто на этой улице. Человек. «Пыль». А ведь Кристианна эта ничего плохого в этом не видела. Любила его даже такого.

И мне снова вспомнилась мать. Любила ли она меня когда-нибудь? Или любила того кем я, по ее мнению, должен был стать?

Колдовка Кристианна сняла с шеи оберег. На простой бечевке. Но это обычный человек не заметил бы, что бечевка та особым образом выплетена была. И светлые искры по ней

пробежали. А вплетена в нее была защита от стали, удача, сила и еще что-то, что я разобрать не мог. И не в кусочке дерева, повисшем на веревке, оберег был. А именно в самой бечевке.

Я зачарованно смотрел, как она повязывает ее мне на шею, что-то шепчет, как ветер в листве. Наговор.

Воздух напрочь из груди вылетел. Здесь посреди улицы, она творила колдовство. Не прячась за стенами. Не скрывая силы. Она разливалась вокруг, ластилась к коже, свежим ветром с горьковатыми нотками. А я ошарашено смотрел на эту женщину, отчаянно стараясь понять, зачем она это делает. Ведь колдовке больно и тяжело силу выпускать. Ее дар внутри нее. И в то же время понял, какой ценный дар она преподнесла чужому человеку. Да еще и не колдуну к тому же.

— Это мой тебе подарок на День рожденья, — сказала она, заправляя за ворот кусочек шпифованного дерева.

— Спасибо, — прохрипел, я не веря, что все это по настоящему со мной происходит.

— Хватит его смущать, Тианна. Пора нам. Али забыла, зачем пришли? — позвал ее муж.

— Помню я, — ответила, рук с плеч моих не убирая. — Ты не терзай себя, Кель. Иди той дорогой, что выбрал. Смело ступай. На ней поворотов будет, распутий, обрывов да ухабов. Но ты сильный. А то, что дар колдовской не достался, так то и не конец света. Вон сын мой тоже обычный человек, и муж дара давно лишился. Дочка только унаследовала силу колдовскую. Ан-ничего. Живем и счастливы. И ты можешь. Если не оглядываться будешь, а вперед смотреть. До встречи, Кель.

С теми словами она чуть сжала мое плечо и резко развернувшись, подхватила под руку своего мужа колдуна и сына простого человека. Она ушла, а я так и остался стоять посреди улицы. Толпа сомкнулась за ними. Захлестнула меня со всех сторон.

Я стоял и думал, что завидую им. Всем троим и даже той дочери, которую мне не довелось встретить. Они были семьей. Единым целым, с разными сверкающими гранями.

— Ты чего? — спросила подошедшая Сати. — Что-то случилось?

Я не ответил, обняв ее за плечи, и решительным шагом выбираясь из человеческой реки.

И только оказавшись подальше от, вызывающей головную боль, толпы, я отпустил ее и тяжело опустился на корточки.

— Кель, что случилось? — обеспокоенно спросила она.

Все же я не смог ей рассказать. Просто потому, что не смог бы объяснить словами свои чувства.

— Ничего важного, — ответил я тогда ей.

Соврал. Потому как встреча с колдовкой навсегда изменила мой мир. Перевернула с ног на голову мою жизнь. В тот день я понял, что моей вины нет в том, что случилось в день моего четырнадцатилетия.

— Идем праздновать мой День рожденья, — предложил я ей.

— Захочешь рассказать, я выслушаю, — смирилась она с моим молчанием. — Но с тебя чашка тэрхи.

— Хоть две, — согласился я, поднявшись и беря ее за руку.

— И мясной пирог, — продолжила она вымогательство.

— Как пожелает прекрасная дева.

Она рассмеялась и шутливо, но ощутимо, толкнула меня кулаком в плечо.

— Только в благодарность за тэрхи и пирог, я буду требовать поцелуй.

— Хоть два, — передразнила она меня и мы оба смеясь пошли пить тэрхи, который я так и не смог полюбить.

С того дня когда я встретил странную колдовку на улице, прошло четыре года.

Летом Года Черного Пса, Сати закончила учебу и отбыла на границу, получив место помощника командира на заставе, через которую проходил торговый путь из Алларии в Таххарию. И хоть войны между нашими государствами не было уже давно, я тревожился за нее.

И скучал по ней.

Она стала для меня больше чем другом.

Тогда, год спустя, зимой Года Золотой Коровы, мы стали больше чем друзья.

Ее старший брат получил распределение на один из кораблей таххарийского военного флота. И его квартира на окраине столицы, осталась пустовать.

Сати в тот день была сама не своя, а я все не мог понять, что с ней случилось.

— Я тебе показать хочу кое-что, — сказала она, кусая губы и краснея.

Ее поведение было так непривычно, что я забеспокоился. Всю дорогу до окраины меня терзало любопытство и тревога. Грязный снег чавкал под ногами, а ветер развернувшийся с запада, пронизывал даже через теплую форменную куртку. Сати покраснелась. В тот день она была непривычно красива. Ее карие глаза светились.

И когда мы вошли в маленькую квартиру ее брата я понял, что она задумала.

В ту ночь мы любили впервые друг друга, как мужчина и женщина.

В ту ночь я познал страсть, которая лишает разума, и подчиняет душу желаниям тела.

Она была непривычно нерешительна. Хоть и спланировала все задолго до того, как привела меня туда. В воздухе витал запах вина и фруктов, смешивался с ароматом тэрхи и ее страха.

— Зачем мы здесь? — спросил я, остановившись посреди комнаты.

Она молчала. Стояла ко мне спиной и молчала. И только спустя несколько мгновений, длинной в вечность, ответила:

— Потому что я так хочу.

А дальше... все было, как во сне.

Ее руки, стягивающие с меня куртку и рубашку. Пальцы, пробегающие по телу. Губы, лишаящие воздуха и зажигающие огонь во всем теле... тихий стон и громкий вскрик...

Все это казалось нереальным. И в то же время самым настоящим...

Я больше ничего не спрашивал у нее. Ни в тот день. Ни через неделю. Ни через месяц. Такие ночи стали нашей традицией. Обычаем и таинством, разделенным на двоих. И я ждал их. Ждал всю неделю, ворочаясь на жесткой койке в казарме, не в силах бороться с желанием, которое накатывало, стоило только подумать о податливом теле Сати.

Сейчас же мне ее не хватало. И не только как женщины, а и как друга.

И пусть за эти годы у меня появились и другие друзья, тот же Вел, или улыбчивый Сатэм, хмурый и вечно серьезный Корх, или уверенный в себе Дарм. Но ее мне не хватало особенно. Может потому, что она была единственным человеком, который прикасался к моему прошлому. Напоминание о том, кем я был. А может, была другая причина, но

оформить в слова я ее не мог.

— Сколько ты будешь киснуть? Смотреть тошно, — бурчал Сатэм.

Сначала я разозлился на него и уже собирался дать в зубы. Но, заметив искреннюю тревогу в его темных глазах, остыл. Только сказал в ответ устало:

— Сколько нужно — столько и буду.

— Любишь ее?

Я задумался. Любил ли я Сати? Наверное, любил. Потому что, как тогда объяснить, то чувство спокойствия и уюта рядом с ней. Желание всегда защищать ее и тревога, что не давала спать по ночам. И обжигающую страсть, вспыхивающую, как сухой тростник, стоило только взглянуть, как она откидывает волосы за спину, или закусывает губу...

— Если думаешь, значит — не любишь, — сделал свои выводы Сатэм.

— Если молчу, значит — не твое дело, — в тон ему сказал я. — Лучше займись делом. Завтра у нас полевая практика. Местность лестная. И это все, что мне известно.

— По обстоятельствам будем действовать, — сказал Дарм, закусывая травинку.

— В прошлый раз уже действовали, — констатировал Корх, переворачивая страницу «Хроник последней Денмаркийско-Аллариийской войны».

— И все прошло как по маслу, — улыбнулся Дарм.

— Иди ты со своим маслом, — буркнул Сатэм. — Я неделю болотную грязь отстирать не мог.

— Заведи себе девушку, пусть она тебе и стирает.

Сатэм покраснел. То что он никогда любимцем женщин не был, знали абсолютно все. И дело даже не в том, что он был не красив. Как по мне, самый обычный. А в том, что привычно шутливый и веселый, при женщинах он становился красным, как варенный краб, и начинал заикаться, или же просто молчал.

— Заткнись, Дарм, — сказал я, растягиваясь на траве.

— А что я такого сказал? — притворно удивился он. — Очень, между прочим, удобно...

— Заткнись.

— Скучные вы.

Но уже никто не обратил внимания на его фразу.

— Кель, а ты знал, что в последней войне на стороне денмаркийцев колдовка таххарийская воевала? — спросил Корх.

— Что за бред? — рассмеялся Дарм. — Какая из колдовки воительница?

— Бред не бред, а в Хрониках записано... — он поводил пальцем по странице, отыскивая место с которого стоило начать зачитывать. — Вот! Слушай. «В третий год Белого Дракона. Когда войско княжича Сельфа Деларгона остановилось возле небольшого приграничного города Дубны, к нему пришла колдовка. Она назвалась Кристианной. И по ее слову, что пророчили ему великие победы и славу, княжич развернул войско не на север, а на юг»... дальше идет описание сокрушительных побед княжича и все такое. Читать?

— Сам прочту, — сказал Дарм. — Не верится мне что-то.

— Просто так в денмаркийских хрониках о колдовке не писали бы. Там, этих с даром, недолюбливают.

— Спала она с ним, вот и написали, — сказал Дарм. — И с чего это ты вообще взялся их читать?

— Лейтенант Дархо сказал, что завтра нам пришлют на практику колдовок.

— С чего бы это? — спросил я, стараясь скрыть от друзей волнение.

— Вот из-за этого! — ответил Корх. — Мол, очень действенно это, когда есть в отряде не только колдун, а и колдовка.

— Колдовки беспомощны, в битве только мешаться будут, — почему-то сказал я.

— Зато дар их весьма полезен.

— У каждой свой. И не каждый полезен.

Парни посмотрели на меня, ожидая, что сейчас начну рассказывать о колдунах и колдовках, но говорить еще что-то я не собирался. И ответом мне был разочарованный вздох и укоризненные взгляды. Потому я спросил:

— Кстати, а что с ней стало? С колдовкой этой?

— Ничего толком не написано. Только то, что с князем разругалась и ушла, прихватив с собой колдуна, что в войске до нее еще был.

— Вот я же говорю. Спала с княжичем. А потом и с колдуном. Княжич их застукал и прогнал обоих, — нашел подтверждение своим выводам Дарм.

— Тебе романы для девиц писать, — пошутил Сатэм.

— А что...

Поляна взорвалась хохотом. Мы смеялись до слез, особенно когда он скорчил обиженную рожу и фыркнул:

— Да пошли вы...

В ту ночь я снова не спал. Меня разрывали противоречивые чувства. С одной стороны мне хотелось снова увидеть тех, кто окружал меня с детства. Возможно, даже я их узнаю. С другой, я совершенно не знал, как себя вести.

К тому же мучил меня вопрос, от той ли колдовки получил я в подарок оберег? Или то, что имя одно с прославленной в Денмарке таххарийкой, еще ни о чем не говорит? Жуть как знать хотелось наверняка. А с другой стороны, разве такое быть может? Да и вообще, не известно, жива ли вообще та Кристианна, что в войне на стороне Сельфа выступила.

Не удивительно, что на утро я чувствовал себя так, словно снова провел неделю в Тихих болотах. Помятый и уставший. А еще сверх меры раздраженный.

— Тебя будто целую ночь по лесам гоняли, — констатировал Корх.

— Исчезни, — рявкнул я, не в силах сдержать раздражение.

— Да ладно тебе, — совершенно не впечатлился он, вытягиваясь в струнку при появлении лейтенанта Дарха. — Это же не конец света.

— Если не заткнешься, я лично тебе этот самый конец света устрою.

Умом я понимал, что Корх совершенно ни в чем не виноват и даже пытается меня поддержать, но поделаться с собой ничего не мог. Я боялся этой встречи с колдовками. Понимал, что никуда не денешься, и от этого становилось только хуже.

«Остыну — извинюсь» — подумал я тогда. И совершенно забыл об этом, едва в ворота вошли колдовки.

Я всегда знал, что судьба и боги ко мне жестоки. Но не думал, что настолько.

Их было семь. Девушки разного возраста, судя по тому, как выглядели. И среди них я сразу заметил Талли. Хотя я уже не имел права так ее называть.

Колдовка Таллианна. За эти годы она совершенно не изменилась. Такая же совершенная золотистая кожа, глаза цвета огня, рыжие длинные волосы, и алые губы, изогнувшиеся в подобии усмешки. Даже одежда была в оранжевых и красных тонах. И все так же высокомерна. Хотя нет, что-то в ней все же едва уловимо изменилось. Повзрослела? Конечно, повзрослела. Представить сложно, через что прошла моя семья, имея такое несмываемое пятно на репутации, как сын, рожденный без дара. И удар принять пришлось именно старшей дочери. Моей сестре. Хотя о чем это я? Я больше не был ее братом, как и она — мне сестрой. И она думала так же. Прошла мимо, даже не взглянув на меня. С таким лицом, словно само присутствие ее здесь оскорбление для всего рода.

С ними была их наставница. Подруга моей матери, если я еще имел право хоть в мыслях так ее называть, Колдовка Оалианниса. Узнала ли она меня? Узнала, конечно, но предпочла, не замечать, как и остальные.

Интересно, что могла заставить колдовок снизойти до простых людей? Неужто и правда, приказ царя? Тогда может и правда...

Эту мысль я не додумал. Потому что она все же взглянула на меня. Один взгляд. Короткий. Мимолетный. И столько презрения и не прикрытой ненависти, что я едва не задохнулся. Она едва смогла сдержаться и не поморщиться. Даже дрогнула маска на безупречном красивом лице. И тут же снова застыла.

— Мда. Будет весело, — сказал Дарм слева от меня.

Я его веселья не разделял. Мне было горько.

«Ты ни в чем не виноват», — словно наяву, услышал я голос той колдовки, что назвалась Крысой. И едва смог подавить желание оглянуться. Но этого хватило, чтобы оторвать взгляд от сестры. Переключиться на другую.

Конечно же, я не ожидал там увидеть ничего другого. Все те же надменные безразличные лица. И каково же было мое удивление, когда я увидел ее.

Молоденькая колдовочка, с огромными синими глазами, искрящимися любопытством, черными с синевой волосами, заплетенными в тугую косу, и светлой улыбкой. Ее одежда, простая на вид, и в то же время тот, кто был знаком с колдовскими письменами, увидел бы, что это не так. В каждой нитке, ровными стежками уложенной по вороту простой голубой рубашки в сложный орнамент, был оберег. Сложный. Какая колдовка бы взялась так растрчивать силы? Или сама? Я еле удержался на месте, чтобы не податься вперед. Казалось, что я ее уже где-то видел. И в то же время точно знал, что запомнил бы ее. Даже нахмурился, силясь вспомнить. Ее запах. Свежий, чуть горьковатый. Он был знаком мне...

— Ты в ней дырку протрешь, — хмыкнул Дарм. — Хотя понимаю тебя. Что-то в ней есть. Такое...

Я еле сдержался, чтобы не треснуть его прямо на построении. Но слова его помогли взять себя в руки и отвести глаза.

— Кадеты, — проревел туром лейтенант Дархо. — Вам выпала великая честь...

— Сомнительная, — еле слышно прошептал Сатэм.

— Ваш курс станет образцом... У вас есть возможность написать новую историю Таххари.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дальше я уже не слушал, зная любовь лейтенанта к пафосу. Кстати довольно странную любовь. С виду суровый воин, познавший не одно сражение и получив в боях увечия, за которые и был сослан в преподавательский состав военной академии. Эта ссылка больно ударила по его самолюбию. И, кажется, вот такие разглагольствования, которые он и сам воспринимал, не иначе как издевательством над подрастающей заменой, были маленькой местью.

А вот остальные наставники и преподаватели были коротки и точны в выражениях и возвышенных слов я никогда от них не слышал. Разве что ругательные. Лейтенант снова что-то сказал и краем глаза я заметил, как прыснула странная колдовочка.

— Она забавляется, — прошептал Корх.

— Скорее нарывается, — ответил так же шепотом я. — Если лейтенант заметит — будет буря.

— Да брось. Кто их колдовок будет трогать?

— Их — нет. А нам — влетит.

— Может и так.

К концу получасовой лекции о том, как нам повезло и какая ответственность на нас теперь, я еле мог удержать зевки.

— Кадет Сальхэ, — рявкнул он мне просто в ухо, и я краем глаза заметил, как вздрогнула сестра.

— Да, лейтенант Дархо.

— Я вижу вам скучно.

— Нет, лейтенант Дархо, — предчувствуя, что мне все же влетит.

— Лейтенант Дархо, — певучим голосом, чуть растягивая слова, заговорила та самая колдовка. За что заработала такой убийственный взгляд от наставницы, что впору устыдиться и сбежать. Но бессовестно проигнорировала его, вопросительно глядя на лейтенанта.

Я едва сдержался, чтобы не втянуть голову в плечи, ожидая его громоподобного рыка.

— Ей конец, — буркнул кто-то позади.

Но, о чудо, он не стал орать на нее. Даже наоборот. Улыбнулся. По-доброму. Ну, я так подумал, потому как до сих пор не видел, чтобы он вообще улыбался.

— Что, дитя? Прости, не знаю твоего имени, — повернулся к ней лейтенант и я подумал, что схожу с ума.

— Ари, — сократила она свое имя, и тут же поморщившись, исправилась. — То есть Аривианна. Хотела попросить Вас. Вы бы не могли опустить свои долгие рассуждения о долге и чести и разбить нас на группы, — сказала она.

Стало так тихо, что я слышал дыхание каждого, кто еще осмеливался дышать.

— Теперь точно конец, — выдохнул тот же кадет.

И сейчас я был с ним полностью согласен.

Только, кажется, ей близость кончины в ужасных муках была не видна.

— Конечно, Аривианна. Ты уже решила с кем будешь в группе? — усмехнулся Дархо и весь строй облегченно выдохнул.

— Конечно. Я же колдовка, как никак, — и снова улыбнулась. — Этот, этот, этот и вот этот. — поочередно ткнула она пальчиком в меня, Дарма, Сатэма и Корха.

— Уверена? — почему-то нахмурился лейтенант, глядя на меня.

— Полностью. Вы ведь не против? — взглянула она на него.

— Нет, наверное, — буркнул лейтенант, а мне наконец стало понятно, что она только что сделала.

Тоесть наглядно продемонстрировала, на что способна одна колдовка. Так легко и с улыбкой подчинить волю другого человека. И я хмыкнул. Когда она, разворачиваясь, подмигнула.

— Ты ей нравишься, — сделал свои выводы Дарм.

— Дурак ты.

— Тоесть?

— Потом расскажу.

— С колдовкой нам, кажется, повезло, — сказал красный до самых ушей Сатэм.

— Мечтай, — отозвался я, понимая, что еще нахлебаемся с этот мелочью.

Лейтенант тем временем разделил кадетов на группы по четыре человека и позволил остальным девочкам выбрать себе тех, с кем пройдет их практика. Групп получилось гораздо больше потому тех, что остались, разделили повторно по пять человек. Таллианна выбрала группу из двух парней и двух девчонок. В принципе, не плохие ребята. Видимо, выбирала, используя дар. Потому успокоился и нашел глазами, нашу колдовочку. Она как раз перебирала в сумке какие-то веревки, разбросав прямо на траве остальные вещи, среди которых было даже нижнее белье. И кивала в такт гневным словам наставницы.

— Ты безответственна и импульсивна, — уловил я ее шепот. — Ты позоришь весь колдовской род. Я все расскажу твоим родителям.

— Да, пожалуйста, — обрадовалась она, а колдовка Оалианниса явно закатила глаза.

И пользуясь тем, что наставница старалась взять под контроль собственные эмоции, поднялась, затолкала вещи назад в сумку, совершенно не заботясь о том, как они потом будут выглядеть, и подошла к, так и не сдвинувшимся с места, нам.

— Давайте знакомится, — радостно сказала девушка, и я еле удержал смех, когда ее наставница тихо застонала от бессилия.

Она поморщилась и доверительно сообщила:

— Они невыносимо скучные, — и уже громче спросила. — Так как мне вас называть?

— Дарм, — сказал друг, выступая вперед и обворожительно улыбаясь.

О! кажется, кто-то решил покорить еще одно девичье сердце. И на что он надеется? Ни одна колдовка не свяжется с простым человеком. Даже на одну ночь.

— Дарм, — чуть растянула она его имя, словно пробуя на вкус.

И я услышал, как изменилось его дыхание, как забилось быстрее сердце. И еле удержался, чтобы не поддеть его. Вообще, я старался никому не говорить о том, что воспринимаю мир несколько иначе. Даже Сати никогда не рассказывал. Наверное, боялся испугать. И все же шила в мешке не утаишь. И пусть прямых вопросов никто не задавал, смотрели на меня, не скрывая любопытства.

Она подошла ближе коснулась кониками пальцев идеально выбритой щеки и замерла. И только Дарм собирался обнять ее за талию, отрезала:

— Даже не думай. У меня очень строгий отец и нервный старший брат, — и при этом все так же мило и обворожительно улыбалась. — И поверь, выучка у них не хуже твоей.

И кода Дарм, цокув зубами, захлопнул рот, кивнула и принялась вязать оберег на шею. Вряд ли кто-то еще слышал, как она одними губами шептала наговор. А я сказать ничего не мог. Стоял, как вкопанный, и смотрел, как она вяжет обереги Сатэму и Корху. Улыбаясь и что-то говоря.

И только когда она развернулась ко мне, увидел, чего ей это стоило. На лице не осталось ни кровинки, а под глазами залегли тени. Даже губы чуть посинели.

— Зачем? — схватил ее за руку и рявкнул так, что ребята тут же схватились за бечевки и принялись их стаскивать.

— Не хочешь — не надо. Я как лучше хотела, — обижено поджала она губы.

Внутри меня закипала злость. Колдовки не вплетают силу в заговоры или обереги. Вбитая с детства истинна, которую лишь однажды нарушила странная Крыса. Но та была сильная, а эта... зеленая совсем. А все туда же. За обереги, которые и колдуны берутся, когда в полную силу войдут.

— Дура, — прорычал я, сам не понимая, почему злюсь на нее так.

Она только всхлипнула, рванулась, бросив бечевку мне под ноги, и побежала, оставив меня сжимать кулаки в бессильной ярости.

— Идиотка пустоголовая, — зверствовал я, пиная ни в чем неповинную траву.

И только сейчас заметил, что Дарм уже вытащил нож и собирался перерезать обережный шнурок.

— Да успокойся ты, — сказал я устало. — Оберег это.

Парни возиться перестали и посмотрели на меня, как на ненормального.

Первым отмер Сатэм. Расправил на груди замысловато сплетенную бечевку и сказал:

— Ну, ты и придурок, Кель.

Корх и Дарм выразительно на меня посмотрели, но промолчали.

— Она ж колдовка, а колдовкам обереги делать тяжело и даже больно, — сказал я, опустив глаза.

— Точно придурок, — сказал Корх обходя меня и направляясь в сторону, куда убежала Ари.

Сатэм обошел меня и подобрал брошенную девчонкой бечевку пошел за ним.

— Вот от части, я даже понимаю, чего ты взвился, — сказал Дарм, глядя им в след. — Сати уже давно на границе и женщины у тебя с тех с тех пор не было. А колдовка эта хороша собой и молоденькая совсем. Может еще и с мужчиной не была.

Я начинал злиться. Но молчал.

— И все же лучше извинись. Нам практику вместе проходить. И не мне тебе рассказывать, чем твоя забота может обернуться.

Сказав это, он пошел за парнями.

Я понимал, что он прав. И все же не мог найти в себе силы, сейчас извинится. Боялся, что опять сорвусь и наору на нее.

Потому вместо того, чтобы пойти за ребятами, направился в столовую.

И вот там наворачивая кашу с кусками мяса и совершенно не чувствуя вкуса, я успокаивался и настраивался на разговор с девчонкой.

Она зашла уже успокоившаяся и с легкой улыбкой на лице. Ребята шли рядом и что-то рассказывали, а она кивала им, или смеялась. Ну вот какая из ее колдовка? Разве настоящая колдовка будет так себя вести. Оалианниса была, кажется, того же мнения. Потому что окликнула ее по имени и кивком головы приказала подойти. А девчонка широко улыбнулась

ребятам, прежде чем к колдовкам подойти. Мне же, почему-то снова вспомнилась та, что назвалась Кристианной.

Я усмехнулся.

— Кажется мне, нам предстоит очень веселая практика, — сказал Сатэм, прожевав кашу.

— Чувствую, незабываемая, — добавил Корх.

Знали бы мы тогда насколько.

Распределение мы получи уже на следующее утро.

Я до последнего надеялся, что нашу маленькую группу отправят на западную границу. И пусть даже не на ту же заставу, где проходила службу Сати. Но одна мысль, что она будет близко — успокаивала. Возможно, мне даже удалось бы с ней повидаться. Граница с Алларией одна из самых спокойных. Да и практикантов, кроме как в караул, да на маленькие вылазки никуда не посылают. Потому я искренне надеялся.

И все же меня ждало очередное разочарование.

«Северо-восточная граница. Застава номер два». - гласил вытянутый жребий. Я не смог скрыть досады.

Граница с Вестианом.

Вестианцы уже много сотен лет оставались бельмом на глазу уже не одного поколения таххарийских царей. Маленькое, ничем не выдающееся королевство, состоящее из множество вечно воюющих между собой родов, так и не склонило головы перед могущественной Таххарией.

Первый царь, решивший, что северный край расколется как пустой орех, потерпел не просто неудачу — это был провал. Дехвард Великолепный был твердо убежден, что вестианцы, за столько лет не способные найти между собой общего языка, сдадутся, стоит им узреть силу обученного войска, подкрепленного колдунами. И уж никак не ожидал, что «грызущаяся между собой свора бродячих псов», сможет объединиться и дать отпор. Живущий одними битвами народ, получив врага вне их земель, озверел и отбивался со всей яростью загнанного в угол волка. Но большим ударом для царя стали ударившие в конце лета морозы, которые убивали не хуже, чем вестианская сталь.

Тогда ему пришлось отступить, чтобы сохранить войско. И сохранив жизни солдат, Дехвард утратил то, что считал более ценным. Уважение. И страх.

Таххария перестала быть непобедимой. Вера в ее силу и страх перед ее воинами и колдунами дрогнули. Пошли трещины. И в эти трещины просочились первые отблески огней восстания.

Царь Дехвард Великолепный никак не ожидал, что огонь, который он однажды разжег на прежней границе Алларией, сровняв с землей целые города и селения, сожжет его самого.

По весне Третьего Года Седой Крысы века Плывающих гор, что наступил после неудачной кампании против вестианцев, границу снова объяло пламя. Полыхало оно долго и разгоралось все сильнее, получив посильную помощь от алларийского князя.

И пусть его удалось погасить уже к осени, теперь жаждущие свободы люди не боялись говорить об этом в голос. На то чтобы заткнуть глотки всем бунтующим ушли десятилетия. В которых в равных частях было сожженных домов, пролитой крови и висельников. А так же одна за одной начинались и заканчивались войны.

И уже ни Дахварду, ни нескольким поколениям его потомков, не было дела до маленького государства на севере. Сберечь бы то, что было добыто.

Но вот Вестиан обид не забывал. Нет. Их вождь не объявил войну. Не вторгся огромным войском на территорию Таххарии. Маленькое государство не могло позволить себе быть столь самоуверенным. Но от мести не отказался. Это были набеги. Короткие и болезненные,

как уколы острым шилом в ногу или руку. Не смертельно, но довольно болезненно. После их набегов оставались только выжженные селения и горы трупов. Привычные к вечным стычкам и обученные с младенчества держать в руках оружие, вестиянцы легко расправлялись с, привыкшими к миру и покою, деревнями и маленькими городами. И хлынувший с севера поток беженцев нес с собой ужас, который внушали суровые северные воины.

И можно было бы не обращать на них никакого внимания, да только едва пошел слух о том, что вестиянцы посмели бросить вызов Таххарийским царям, как снова заревели огни восстаний на западе.

Царь Ветимард, прапрапраправнук первого царя имевшего глупость бросить вызов малочисленному, но сильному народу, не стал воевать. Он обозначил и укрепил границу настолько, насколько это вообще было возможно. И это дало свои результаты. Набеги пусть и не прекратились, но стали менее ощутимы. И это зловещее затишье продолжается и по сей день.

И вот теперь наша практика действительно обещала быть незабываемой. Нет, мы, прошедшие подготовку в лучшей военной академии, совсем не боялись того, что нас там ждет. И будь мы одни или если бы нам дали в помощь сильного колдуна, то даже обрадовались такому повороту. Но увы, досталась нам молодая колдовка. И я руку мог дать на отсечение, что даже в силу свою еще не вступила. И теперь на границе с самым непредсказуемым соседом, нам четверым пришлось еще и приглядывать за девчонкой

— Мда. Туго нам придется, — озвучил мои мысли Корх, едва лейтенант Вальх, ответственный за группы попавшие на северную границу корявым нервным почерком внес наши имена в книгу регистрации.

— Прорвемся, — уверенно заявил Дарм, ставя размашистую подпись под согласием на эту самую практику.

— Мы то прорвемся. А с ней как быть? — мотнул я головой на застывшую Ари.

На этот вопрос ответа никто не знал. И мы угрюмо взирали на колдовку, которая закусив губу, чтобы не выдать эмоций, оставила росчерк на желтоватой бумаге.

Дорога до северной заставы, стала для меня неожиданно сложным испытанием. Совсем не потому, что приходилось трястись в седле с утра до ночи. И не потому, что спать приходилось на холодной земле.

Все чаще мой взгляд останавливался на молоденькой колдовке.

Сам не знаю почему, но я следил за каждым ее движением. Смотрел, как жмурится на солнце, или втягивает голову в плечи, прячась от порывов колючего ветра. Как улыбается, слушая бессмысленную болтовню Сатэма. Обсуждает с Корхом те или иные исторические события. Или незлобно отвечает на шпильки Дарма. И только я не смог толи найти нужных слов, толи сил, чтобы заговорить с ней. Нет, на простое «привет» меня хватало. А вот, чтобы попросить прощения слов так и не подобрал. Да и был ли смысл уже что-то говорить?

И вроде она не злилась на меня. Порой я замечал, что и она меня разглядывает пристальней чем следовало бы. Но холодок между нами чувствовался.

Но больше всего злился я по вечерам. Когда она жалась к тому же Сатэму, чтобы защититься от холода, опускавшегося на землю. Когда доверчиво укладывала голову ему на плечо.

Казалось бы, с чего мне злиться? Поначалу я пытался объяснить это тем, что волнуюсь за друга. После, тем, что просто завидую им, потому как моей Сати рядом не было. Но спустя несколько почти бессонных ночей, когда образ Сати вытеснила темноволосая колдовочка. Когда я поймал себя на том, что прислушиваюсь к тому, как она сопит, уткнувшись в плечо моего друга. Понял, что хочу, чтобы она жалась не к нему, а ко мне. Чтобы на мое плечо так доверчиво укладывала голову. И от этого становилось совсем паршиво. Сатэму можно сказать впервые в жизни с девушкой повезло. И пусть ничего у них потом не сложится, но сейчас то...

В общем, чувствовал я себя гадко. И от того девять дней, что мы добирались до проклятой всеми богами заставы, похож я был на грозовую тучу, что вот-вот должно было прорвать густым ливнем.

Застава номер два ютившаяся и выживавшая на границе с Вестианом, встретила нас угрюмой настороженностью и недоверием. Или правильной сказать неверием.

— С какой радости вас сюда занесло? — спросил капитан Томх едва мы полным составом, уставшие, злые и замерзшие ввалились в небольшой деревянный домик.

Человеком он был еще не старым. Лет сорока. Но долгое пребывание на беспокойной границе оставило неизгладимые отпечатки. И видны они были в глубоких хмурых морщинах, абсолютно седых и давно немытых растрепанных волосах. Нервно барабанивших по столешнице сухих пальцев, со скорченными сырой болячкой суставами. В согнутой спине, хриплом, хронически простуженном голосе, усталости в черных глазах южанина. А стойкий запах перегара только подчеркивал общее угнетающее впечатление. Но прекрасно вписывался в атмосферу общего упадка. Поросшие мхом и ином стены деревянного дома растрескались и холодный ветер заглядывал внутрь, как к себе домой. Закопченная печка, дымящая до рези в глазах, едва дышала теплом. И только стол и пара стульев, еще были в том состоянии, что можно было назвать терпимым. И как он здесь живет?

Справившись с первым впечатлением, я протянул измятый лист. Значилось в нем, что

четыре студента военной академии и одна воспитанница колдовки по приказу царя Таххарии направлены на практику. Представлены мы были как вполне дееспособная единица. А в рекомендациях к практике значилось, что от капитана требовалось всесторонне использовать наши способности и таланты. А впечатления от нашей пятерки требовалось изложить в кратком отчете, который ляжет владыке на стол.

— Забавно, — буркнул капитан.

Но интонации, с которым он это сказал, сомнений в его истинном отношении к сложившимся обстоятельствам не вызывали.

— Скажите детки, кому это вы так насолили, что вас сослали на северную границу? Мне как раз не хватало четверых сосунков и одной... — он явно хотел сказать что-то нелицеприятное, но умолк, так и не закончив свою мысль.

На это я не знал, что ответить. Потому, как и сам не знал.

— А Вас? — спросила из-за моей спины колдовка, и я чуть не зарычал от злости.

Это было вторая сторона моего к ней отношения. Я злился. Нет не на нее. Чем дальше находилась рядом, тем больше я убеждался в том, что боги сошли с ума. Как можно было наделить колдовской силой подобное недоразумение? И в чем провинился я? Почему меня посчитали недостойным?

И пока я скрипел зубами и старался побороть раздражение, это недоразумение уже вышло вперед. Смахнуло пыль и какой-то мусор с единственного стула, и село напротив капитана.

— Капитан... прошу прощения как вас величать?

— Томх, — коротко и ошарашено ответил тот.

Мы молчали. То что колдовка имела силу управлять сознанием других людей, я ребятам объяснил еще сразу. Хотя, кажется, они и сами о том догадывались.

— Капитан Томх, — привычно растягивая слова, сказала она. — Я понимаю, почему вы злитесь на власть, которая бросила Вас на негостеприимном севере. Видят боги, я бы тоже злилась и обижалась на весь мир.

Капитан отчетливо скрипнул зубами, но она даже не заметила этого. Мы же напряглись. Ари дразнила его. А что такое дразнить раненого и отчаявшегося зверя знал даже ребенок.

— И как не злиться? Вы ведь были самым способным, удачливым и находчивым. Правда? — он не ответил. Только глаза сверкнули злостью. — И вот в награду за вашу службу и успехи сослали сюда. Так ведь?

Колдовка смотрела ему в глаза не мигая. Так, что если бы он и хотел, глаз отвести не смог.

— Так, — сквозь зубы согласился Томх.

— И теперь Вы злитесь, за свою загубленную жизнь, положенную на защиту границ. За так и не созданную семью. За то что они, — мотнула она на нас головой. — молоды, полны сил и амбиций. В то время как Вы, капитан, словно старая развалина, единственно способен жалеть себя и топить свое ничтожное существование в чарках самогона.

Последние слова она произнесла зло и отрывисто, словно едва могла сдержать рычание.

А я... я онемел. Смотрел, как она поднимается. Словно стала выше и сильнее. И поймал себя на том, что сейчас маленькое недоразумение напоминает мне мою мать. Точнее ту колдовку, что когда-то ею была. И так меня поразило то, что увидел, что не смог и слова сказать больше. Зато она не молчала. Припечатала, словно гвозди в гроб забивала:

— Впрочем, каждый должен заниматься тем, что ему удастся лучше всего. Жалейте

себя. В этом вы мастер.

И, бросив лицо капитану эти слова, она вышла, громко хлопнув покосившейся прогнившей дверью.

Сатэм привычно юркнул следом. Теперь он почти все время находился возле нее.

— В общем так детки. Идете сейчас к сержанту Первэ. Излагаете кто вы и зачем здесь. И делаете то, что он вам говорит. А мне на глаза не являетесь, — сказал Томх.

И вот странно. Я не слышал злости или хотя бы раздражения в его голосе. Только горечь.

Потому коротко кивнув мы трое ушли искать того самого Первэ.

На душе было паршиво. Не так мы представляли себе эту практику. Конечно, не увеселительной прогулкой она виделась, но и не так.

Разместили нас с удобствами. Весьма сомнительными, конечно, даже для нас, привыкших обходиться самым малым. А уж для колдовки...

Выделили нам небольшой деревянный домик с покосившимся крыльцом, грязными окнами и треснувшей печкой. По всему видно было, что здесь уже давно никто не жил. Даже пыль толстым слоем устлавшая и пол, и широкие лавки и большой стол лежала ровно.

— Я принесу продукты. Готовить умеете? — спросил, сдерживая злорадную улыбку, сержант Первэ.

— Справимся, — угрюмо сказал Корх.

Первэ кивнул и, бросив через плечо «располагайтесь», ушел по своим делам.

— Тебе не кажется, что нам здесь не рады? — спросил Датем, вырисовывая носком сапога круги в пыли.

— Мне кажется, что здесь никому не рады.

Это чувствовалось даже без колдовской силы. В каждом настороженном злом взгляде. В каждом шепоте за спиной. В вони, название которой я не мог подобрать, пропитавшей все на заставе — и уставших оборванных солдат, и постройки с блеющими козами и кудахтающими курами. В складах с прелым зерном. Худых лошадях в загороде. Никому не было дела до одинокой заставы номер два на самом севере королевства Таххария. И жители, забытые и оставленные на волю судьбы, разуверившиеся как во власти, так и в самих себе.

— Кель, как с колдовочкой нашей быть?

Я не знал. Захочет ли она и сможет ли жить здесь? Выдержит ли? Лучше было бы — если нет. Тогда мы со спокойной душой отправили бы письмо с просьбой отозвать ее назад. И ей хорошо и нам спокойней.

Но не тут-то было.

Они с Сатэмом пришли, когда мы уже решились войти в наше временное жилище, но еще не решили с чего начать его обживать. Умом, конечно, понимали, что нужно убраться и разложить свои небольшие пожитки. Но вот руки не лежали.

Ари же оценив обстановку и общее настроение. Закатила рукава и, быстро раздав указания ребятам, принялась мести дом, смахивать пыль. Сатэм нашел какие-то деревянные ведра и ушел за водой. Корх грохнув о дощатый пол дровами, принялся разводить огонь в печи. Та, к слову, откликнулась такой дымовой завесой, что мы все впятером выскочили на улицу, распахнув настежь дверь.

— Сейчас прогреется и куреть перестанет, — пообещала колдовка.

И правда, через пару минут печка прогрелась и дым повалил через дымоход, подтягивая и тот, что расстелился по дому.

— Вот и все, — победно подняла она кулачек вверх.

И так забавно при этом выглядела, что мы не удержались и рассмеялись. Все вместе.

После уборки Корх принялся за обед, из тех скудных продуктов, что принес нам сержант. А было это толченное зерно, лук и какие-то коренья, и желтое прогорклое сало.

— Отравить нас здесь хотят что ли? — спросил Датем, разглядывая разложенные на столе продукты.

— Они и сами это едят, — сказала Ари, вертя в руках сколотый глиняный горшок. —

Туго у них тут с провизией.

— Ты откуда знаешь? — спросил я ее, плюнув на обещание самому игнорировать колдовку.

Она посмотрела на меня как то странно. Словно раздумывала или искала подвох в моем вопросе. Но опустила глаза и сказала.

— Солдаты рассказали. Туго им здесь приходится, Кель. Не верят они, что в столице еще помнят о том, что есть такая застава. Злятся из-за этого. Много кто ушел по-тихому домой. А кто вообще к вестианцам...

— Ловко ты. Не успела приехать, а уже так много разузнала, — и хотел похвалить, а получилось так, словно поддеть пытался.

Она надулась. Отвернулась, скребя горшок.

— Колдовка я. Если ты забыл. Что мне у человека выпросить мысли его потайные? Просто это. И тяжело в то же время. Как через себя все пропускаешь, — и тут же развернулась и прямо в глаза посмотрела. — Особенно если злостью и болью мысли сочатся. Да не знаешь, на тебя злятся или просто человек такой, что все ему не так.

Мне стало стыдно. Захотелось возразить ей. Да только что возразишь, если правду говорит. Злюсь ведь не на нее в самом деле. На отца и мать, на сестру, на весь колдовской род. На то, что сам, как бы не убеждал себя, а так и не смирился с тем, что колдовского дара мне не досталось. А она просто неудачно рядом оказалась. А ведь чувствует, мои мысли и чувства. Через себя пропускает.

Но в который раз промолчал. Взял какой-то корешок и принялся его скрести. От недавнего воодушевления и радостной легкости не осталось и следа. Каждый угрюмо взялся за свою работу. Молчали и думали о своем.

И я думал.

Думал о матери, о сестре.

О том, что не справедливо то, что Ари из-за них досталось. И решил для себя, что попробую помириться с ней. Вот обязательно попробую.

Да кабы хоть раз так вышло, как мы задумали...

— Корх, ты заходишь слева, Дарм — справа, мы с Сатэмом вот отсюда.

Карта послушно прогибалась и обрисовывала пути наступления.

— А я? — свесилась над головой Ари, разглядывая рисунок, нанесенный прямо на карту.

Ее руки доверчиво легли на плечи, а лицо оказалось так близко, что на миг я потерял нить разговора.

— А ты, Аривианна, сидишь здесь и не высываешься, — сказал я самым миролюбивым тоном, на который был способен.

— Как скажешь, дорогой мой, — ответила она и улыбнулась так, что всем присутствующим стало понятно, что сделает она все с точностью да наоборот.

Я сжал челюсти так, что скрипнули зубы.

За неделю пребывания на заставе мы ни разу не пришли к общему мнению. Вот ни одного единственного раза. Если я хотел борщ, она варила рыбную юшку. Если я говорил, чтобы она оставалась на заставе, пока мы на задании, она бежала впереди нас. В общем, мы все время скандалили, и на заставе нас прозвали старой семейной парой. Которые уже за столько лет и привыкли друг к другу, что не разойтись, и надоели друг другу, что терпения не хватает. Я пытался доказать всю бесполезность и абсурдность царской затеи, а она с упорством барана, доказывала обратное. Хотя нужно отметить, для изнеженной колдовки, держалась она отменно. И если поначалу мы оглядывались на чуть отстающую девушку, то теперь привыкли просто приноравливаться к ее ходьбе. Она не жаловалась. Молча, жевала жесткую солонину и размачивала сухари.

А я давился своей злостью, и старался не показывать ее другим.

— Послушай, дорогая Ари, — в тон ей сказал я. — Там, — ткнул я пальцем в кружок на карте. — предположительно человек десять ветианских воинов. И меньше всего я хочу оглядываться еще и на тебя.

Получилось несколько резко и зло, но по-другому она не понимала. Хотя не факт, что и в этот раз поймет.

— И что в них такого страшного, что мне даже посмотреть нельзя? — спросила она, отступая назад и убирая руки.

Я вдохнул, не желая объяснять молоденькой девочке, чем может обернуться для нее встреча с вестианами.

— Потому как из-за твоего любопытства, нас всех перережут, как баранов. А ты, моя дорогая, станешь игрушкой победителя, — гаркнул я так, что из-за ближайшего куста сорвалась стая мелких птиц.

То, что в бою против отряда вестианцев нам четверем и пяти минут не выстоять, понимал каждый из нас. Корх даже предлагал вернуться на заставу, доложить о вторжении. На что Дарм заметил, что докладывать то нечего. Мы не знаем ни количества воинов, ни их цели, ни снаряжения. А может это просто заблудшие охотники, которых я, учуяв, принял за военный отряд. Решено было осторожно разведать обстановку и таки вернуться на заставу. Вот только Ари... что было делать с девчонкой мы так и не могли решить. То что брать ее с собой нельзя, никто даже не оспаривал. Ну кроме нее самой. А вот куда деть? Отправить

назад? Или велеть спрятаться здесь? Так ведь не послушается.

— Ари, — закусил губу, необычно серьезный Сатэм, — мы будет волноваться за тебя. И это может обернуться для всех нас плохой стороной.

— Хорошо, — миролюбиво согласилась она, сядя между Корхом и Дармом. — Но ведь я за вас переживать буду.

Ребята слажено улыбнулись, а Дарм чмокнул ее в макушку:

— Мы воины и уже не в первый раз участвуем в таких вылазках. Но! Если нас долго не будет, беги со всех ног на заставу и зови подмогу.

Она поджала губы. Синие глаза наполнились страхом. И все же послушно кивнула.

— Вот и ладненько, — потер руки Корх. — Пора.

Ребята слаженно поднялись, а Ари так и осталась сидеть, не спуская застывшего взгляда с так и не свернутой карты.

— Пока, — коснулся ее плеча Сатэм. — Мы скоро.

Она подскочила и крепко обняла его. Во мне вмиг поднялось раздражение и видимо что-то такое отразилось на лице, потому как Дарм понимающе хмыкнул.

Она же по очереди обняла Корха и Дарма, а передо мной остановилась. Опустила глаза и вытащила из кармана бечевку.

— Можно? — спросила, так и не подняв взгляда.

А я снова почувствовал себя придурком. Потому что так и не нашел в себе сил попросить прощения.

— Не нужно, Ари, — спокойно отказался я, и чуть не подавился собственными словами, когда по ее щеке скользнула слеза. За ней еще одна. — Успокойся ты! Все нормально будет.

Она закусила губу и по-детски шмыгнула носом. Подняла свои огромные неестественно синие глаза и с немой мольбой посмотрела на меня.

— Ты... — с языка рвались оскорбительные слова, и мне едва удалось их сдержать.

Потому я молча сел и приглашающее махнул рукой. И был награжден таким благодарным взглядом, что чуть не задохнулся. А ведь это я должен благодарить ее. Особенно, зная, чего ей это будет стоить.

— Только не перестарайся, — шепнул я, когда она опустилась возле меня на колени. И в ответ на ее удивленный взгляд, раздраженно пояснил. — Не хочу оставлять тебя здесь совсем без сил.

Ари улыбнулась, словно я сказал что-то немыслимо приятное, и принялась развязывать ворот рубашки. Ее руки чуть дрожали. Дыхание сбилось. Тонкие пальчики пробежали по бечевке, некогда повязанной другой колдовкой. И губы тронула улыбка. Я подумал тогда, что теперь она отстанет от меня со своим оберегом. И от этой мысли стало досадно. Но вместо того, чтобы оставить свою затею, она подалась вперед, наклонилась, касаясь дыханием щеки, и принялась сплести оберег. Вплетала в него древние слова и силу. Ее дыхание становилось тяжелей с каждым словом, каждым завязанным по-особому узелком. От виска скользнула капелька пота. Она качнулась, и я удержал ее за талию, удивляясь тому, какая она тонкая. Она же даже не запнулась, продолжая сплести оберег. Кто-то что-то прошептал, но мне было все равно. Я уже давно перестал следить за словами, что она проговаривала. Смотрел, как бледнеет ее кожа, синеют губы. Как росчерками появляются под глазами синяки. Сжал челюсти, решив, что еще немного и оборву обряд. Слишком тяжело это для нее. И даже не задумался над тем, что в прошлый раз три оберега ей дались легче, чем мой один.

Наконец, она выдохнула, опустив руки на мои плечи. Застыла, расслабившись и тяжело дыша. Я же наоборот напрягся. В голове зашумело, опалило огнем вмиг окаменевшие мышцы. А когда она глаза открыла и вовсе разум помутился. И так синие она приобрели глубину, стали темнее, как вода в бездонном озере.

Я не удержался. Подался вперед и впился в приоткрытые губы поцелуем. И все боялся, что оттолкнет. Испугается. Вспомнит, что колдовкам не пристало с простыми людьми целоваться. Хотя и спать бок о бок тоже не пристало. А она...

Даже не думал, что так быть может. Но едва она обняла за шею, прижалась так, что я всем телом каждый изгиб чувствовал, во мне словно зверь проснулся. Зарычал. И в голове мелькнуло, что теперь никому не отдам ее. Моей будет, пока дышать буду.

И все же я с усилием оторвался от нее, чуть отстранил от себя, словно сам себя боялся. Боялся, что не сдержусь. Что плюну и на задание и на ребят... я осмотрелся. Парней нигде не было.

— Ушли они, — чуть слышно сказала колдовка.

Сказала и покраснела.

— Куда ушли? — голос мой хриплым был, потому горло прочистил.

Она плечами пожала.

— Видно решили тебя дожидаться там, — махнула она рукой в сторону леса. — Пора тебе. Не хорошо, что ждать друзей заставляешь.

Говорила вроде спокойно. И, наверное, если бы не мой слишком острый для человека слух, не услышал бы, как говорила она сдавленно. И тогда я понял, что стыдно ей, что с простым человеком целовалась. Что слабости мимолетной поддалась. И стало так больно. Вспомнилось, как много лет назад, из дома уходил. Как мать так же глаза отводила... чего мне стоило не задохнуться от боли, известно только богам. На что мог надеяться тот, от кого даже родные отказались? Я горько усмехнулся.

— Здесь жди и не высовывайся, — рявкнул я, все же сорвавшись.

Ари на меня посмотрела круглыми от удивления глазами и медленно кивнула.

И уже когда я отошел достаточно далеко, уловил смешавшийся с ее лесным запахом, запах моря. Запах ее слез.

Отряд вестиянцев оказался не таким большим, как мне показалось по запаху. Может потому, что от каждого пахло не как от одного человека, а как от нескольких. Видимо из-за того, что некоторые их вещи были с чужого плеча и еще носили запах предыдущего хозяина.

Выглядели они, несколько помятыми, уставшими и злыми.

— Мне кажется, или их уже кто-то потрепал? — шепнул Сатэм.

Я не ответил. Внутри еще клокотала злость и где-то в глубине души, я надеялся, что нас заметят и получится сбросить напряжение в хорошей схватке.

Тем более, когда убедился, что пришлых всего-то семь человек. К тому же трое из них были ранены. Один и вовсе вот-вот отойдет к богам. В нос ударила сладковатая приторная вонь разлагающейся плоти, крови и давно не мытого тела. И отметив их плачевное состояние, я и вовсе расслабился. Оказалось зря.

Я не сразу заметил, как напрягся один из воинов, едва ветер повернулся нам с Сатэмом в спины. И только когда встретился с ним взглядом, понял, что схватки не миновать. Одна часть меня обрадовалась этому. Да только зря.

— Вот бешенный пес. — ругнулся Сатэм сорвавшись с места.

У меня было на языке нечто более впечатляющее. И оно неслось галопом в голове, пока она шла ровная, с гордо поднятой головой. Выдержки моей хватило, только на то, чтобы дернуть за ногу сорвавшегося с места Сатэма и ткнуть его лицом в землю, навалившись всем телом сверху. Только бы Корх и Дарм не выдали себя.

«Верь ей!» — прошептал голос давешней знакомой.

Я хотел. Видят боги, хотел. Но злость...

Подходила она с подветренной стороны. Знала, что если учую, заверну. И от того уже не злость во мне бушевала, а самое настоящее бешенство. На мгновение она остановилась, посмотрела на меня, словно точно знала, где нахожусь, улыбнулась. Только улыбка грустной и виноватой получилась.

Вестанцы повскакивали. Я не заметил, сказал ли тот, кто почуял нас, о нашем присутствии, или онемел, не хуже нашего. Но все они смотрели на Ари не отрываясь, и с каким-то неясным интересом.

Я тоже смотрел. Бледная сверх меры. Волосы распустила. И только сейчас увидел, как они закручиваются большими тугими кольцами. Как опутывают руки, змеятся по спине. Сумку на плечо перевесила, с которой ни на миг не расставалась. И при каждом шаге она позвякивала стеклянными баночками и бутылочками.

Спокойная, решительная. И только пальцы подрагивают, выплетают узор. Я задохнулся. Быть не может. Страх накатил волной, лишая возможности дышать. Заклокотал по-птичьи в груди. Затуманил сознание. Запахи с новой силой ринулись забивая едва восстановившееся дыхание. Мышцы скрутила судорога.

Сатэм дернулся снова.

— За-тих-ни ты, — едва связывая звуки, ставшие непривычными, в слова.

Он и правда затих. В нос ударил запах страха исходящий от друга и я чуть не взвыл. Тряся головой, как обезумевший пес.

Едва смог снова сосредоточиться на том, что во вражеском стане творилось.

И тут же похолодел. Впервые в жизни я отчетливо видел сеть заклинания, которая колдовской силой сплетена была. Синяя, с пробегающими искрами по тонкой паутине, множеством узлов и сплетений. И налитая силой настолько, что резала глаза.

Вестанцы не шевелились, толи считая, что добыче уже никуда не деться, толи приняв ее за лесную деву. Но стоило ей вскинуть руки, расправляя сеть над их головами, взвыли, падая на землю, цепляясь руками за лицо. В нос ударил запах свежей крови, и я больше не способен был сдерживать зверя внутри себя, стремящегося защитить ту, которую назвал своей.

Я не помню, что было дальше. Только обрывки, образы, хрипы и стоны. Перекошенные от ужаса лица друзей и врагов. И сводящий с ума запах крови.

Но когда сознание начало медленно возвращаться, в горле встал ком тошноты.

Ребята в ужасе смотрели на меня. А я хватал воздух ртом и искал Ари. И только когда заметил, чуть успокоился. Но совсем немного. Потому как она лежала, там же где я видел ее в последний раз. На дрожащих ногах я подошел к ней. Прислушался. Она дышала хрипло и неровно. Из носа и ушей ползли темные ручейки крови. Все тело била крупная дрожь.

— Дура, — в отчаянии прошептал я, опускаясь рядом на колени. — Какая же ты дура.

Впервые за всю свою жизнь я мне было настолько страшно. Впервые чувствовал себя настолько немощным.

— У-хо-ди-те.

Слова давались тяжело. Словно едва учился говорить.

Ребята не двинулись с места. Я чувствовал запах их страха.

— Мы не оставим тебя...

Я хмыкнул. Понемногу человеческая часть меня брала верх над зверем. И то, что не договорил Сатэм, легко было угадать.

— Я не причиню ей вреда. Но и не отпущу от себя.

Сатэм попытался было подойти. Не знаю, ко мне или к Ари. И я почувствовал, что снова теряю над собой контроль.

— Стой на месте, Сат, — прорычал я, сжимая кулаки. — Я не хочу убивать тебя.

— Ты мне угрожаешь? — фыркнул он, но подходить ближе не стал.

Он боялся меня. И не мог этого скрыть.

Я спиной чувствовал их взгляды. Чувствовал их настороженность и страх.

Но не это было главным для меня сейчас. А маленькая колдовочка, которая слишком много на себя взяла. Видят боги, будь она сейчас в сознании, я бы лично ее прибил на месте. Только потому, что ни за кого в жизни так не боялся. Никогда не чувствовал себя более бессильным.

Осторожно, словно боясь ее сломать, поднял на руки. И только сейчас заметил, что весь в крови. И снова меня чуть замутило, от приторно-сладковатого запаха. И тут же отпустило.

Я постарался отрешиться от всего. От запаха страха, крови, смерти. Уловить свежесть ручья или реки. Западный ветер овеял лицо. Вот оно.

— Возвращайтесь на заставу, — сказал я ребятам, уже оставляя их позади. — Расскажите обо всем, что случилось.

— Тебя будут искать... — сказал Корх.

Я кивнул.

Да будут. И не с самыми добрыми намереньями. Но говорить еще что-то не стал. Просто пошел на запах водоема, не заботясь о том, послушали ли меня те, кого еще утром я звал друзьями.

Я шел быстро. Казалось, слишком быстро. Порой мне казалось, что мир вокруг смазывался, словно на картину плюхнули кувшин воды и краски поплыли.

Но это мало меня трогало.

Я прислушивался к дыханию бессознательного тела. К слабому биению сердца. И понимал, что вот-вот самообладание меня оставит. Хотелось кричать. Избить кого-то. Разорвать голыми руками, как поступил с вестийскими воинами... и эту бессильную злость вкладывал в бег. В желание поскорее добраться до цели.

И все же тихо несущая свои воды, река стала для меня неожиданностью. Вот только еще пробирался, сквозь заросли каких-то кустарников, и вот она — Быстринка. Неспешная, свежая, пахнущая рыбой и кувшинками.

Я уложил Ари почти у самой кромки воды. На миг мне показалось, что она выдохнула

резче обычного, что дрогнули ресницы. И даже обрадовался. Подумал, что она вот-вот откроет глаза. А нет. Все так же едва дышит. Едва теплиться в ней жизнь.

Глупая, маленькая колдовка.

Я сжал кулаки с такой силой, что хрустнули костяшки пальцев. И это чуть отрезвило. Нужно было смыть с себя кровь. Да и с нее тоже. Но сначала с себя. Иначе, я рисковал испугать ее едва увидит меня таким.

Быстро сбросив с себя окровавленную одежду, я вошел в воду. На первый взгляд, казалось, что течение здесь неспешное. Но стоило войти в воду, как понял, насколько ошибался. Не удивлюсь, если обманчиво спокойная река уже успела забрать не одну жизнь. В то же время вода была холодной настолько, что разгоряченные после бега мышцы свела судорога и я с головой ушел под воду.

Холодная вода помогала остудить мысли и взять себя в руки.

Но не в этот раз.

То что произошло с нами всеми совсем недавно — пугало. Рвало привычное и налаженное в клочья. Заставляло верить, что больше не будет, как прежде. И если еще утром я был твердо уверен в нашем завтра, то теперь не мог быть уверен даже в том, чем закончится наше сегодня.

Ари не приходила в себя. Бледная, с паутиной синих, чуть светящихся вен под, почти прозрачной кожей, она едва дышала. И вместе с опускающимся за деревья солнцем, на меня все сильнее наваливалось отчаянье.

Зачем я потащил ее сюда? Почему не вернулся на заставу вместе с ребятами? Я снова и снова пытался найти ответы на вопросы, что раз за разом молча задавал себе. И не мог. Не находилось ответов, только ощущение, что все правильно. Так, как должно быть.

Нет, я не боялся за свою жизнь. Скорее за жизнь тех, кто посмеет посягнуть на колдовку или бросить мне вызов. И не боялся, что кто-то у меня ее сможет отобрать.

Единственное, что могло меня напугать — это мысль о том, что она сама не пожелает меня знать. Что уйдет, испугавшись того, кто я есть. Или того, кем стал.

— Моя маленькая отчаянная девочка, — вырвал меня из раздумий голос, который я узнал бы из тысячи других и не забыл бы даже через сотни лет. — Моя Ари.

Я вскочил и в глазах поплыло.словно сквозь туман я видел женщину, склонившуюся над Ари. Сероватые губы что-то шептали. И наверное только мой почти звериный слух смог уловить в этом шелесте слова заговора. Заговора, что возвращает силу и жизнь тому, кто уже сделал шаг на грань между мирами.

Ни один колдун, будь он самым сильным и могущественным, не сделал бы такого. Не говоря уже о колдовке. Но эти законы не властны были над ней.

Я смотрел не отрываясь на ту, что плевать хотела на все законы и правила. На ту, что переворачивала мой мир каждый раз, когда появлялась в нем. Ту, что однажды встретил на рыночной площади. Ту, которую год за годом вспоминал в самые неоднозначные моменты жизни. Ту, что пахла свежестью и горечью.

— Тиана, — выдохнул я, до конца не понимая, правда ли это или видение.

Она подняла на меня свои глаза цвета расплавленного серебра. И улыбнулась. То была не радостная улыбка. Скорее грустная. Или обреченная.

— Рада видеть тебя в добром здравии, Кельвар Стальной Ястреб.

Эти слова гулким эхом завибрировали в голове. Не верилось, что звала именем, которым звали колдунов, меня. Простого солдата. Пусть и рожденного с колдовской кровью. Но без силы. И она знала, что это так. Знала, как больно мне от одного упоминания о своей неполноценности. До сих пор. Даже спустя годы.

— Ты удивлен.

— Я зол. Ты прекрасно знаешь, что мне не стать колдуном, Кристиана, — хотел чтобы прозвучало твердо, а получилось. Жалко, наверное.

— Ты глуп, — грустно сказала она. — Что знаешь ты о Неразделенных?

Я не смог скрыть удивления.

— Впервые слышу об этом.

Она кивнула. Коснулась кончиками тонких, словно птичьих, пальцев лица Арвианны.

— Она вернется. Готов ли ты к этому, Кель? Готов ли к тому, что тот, кто живет в тебе, не отпустит ее от себя. Готов ли к тому, что больше не сможешь быть ни с одной женщиной.

Я не знал. Не мог ни понять, ни поверить в то, что она говорила.

— О чем ты?

Кристиана поднялась. Она была похожа на видение. Тонкая. С серым лицом и необычайно светлыми стальными глазами. И эти глаза оголяли душу. Вырывали тайны, которые прятал даже от себя.

— Колдун и его зверь всегда вместе, Кельвар. С рождения и до смерти. Всегда идут рядом по жизни. Но бывает, рождаются такие, как ты. Не человек, не зверь, не колдун. И в то же время все вместе. Ты же сам замечал, что не такой как другие. И в то же время не такой, как твои родные.

Я кивнул. Скорее от растерянности, чем подтверждая ее слова.

— Откуда тебе это известно?

Тиана пожала плечами.

— Видела. Еще тогда видела, когда впервые твой путь посмотрела. Жизнь и судьба колдуна в руках богов, потому и пути их не видны мне. Но ты не такой, как мы. Ты особенный Кель. И в то же время судьба твоя никогда не будет простой. А места не найдешь ни среди колдунов, ни среди простого люда.

Ее слова били сильнее, чем кулаки мастера Рамуса на тренировках по рукопашному бою. Но вместо отчаянья я чувствовал злость. На людей. Богов. Колдунов всех и Тиану в особенности.

— И что мне теперь делать, — чуть не прорычал я.

Она снова пожала плечами и оглянулась на все так же лежавшую без движения Ари.

— Выберешь свой путь сам. Но какой бы он ни был, Кель, я хочу знать, сможешь ли ты оставить Арвианну, если она не захочет пройти по этому пути с тобой?

Хотел бы ответить, что да. Но где-то внутри меня что-то взвыло. Заклекотало по-птичьи. Забилось, будто искало выхода и обожгло нестерпимой болью, разрывая изнутри.

— Сможешь ли ты жить, зная, что она выбрала другого? — продолжала она, впившись своим режущим, подобно стали взглядом и мои глаза. — Что он прикасается к ней? Разделяет с ней ложе? Что она носит под сердцем его детей?

Ее слова разрывали меня. Болезненными картинками мелькали перед глазами. Я видел силуэты и события, отлитые из серебра. И разум мой мутился.

— Нет, я не откажусь от нее, — выдохнул я, понимая, что не смогу солгать этой женщине.

И боль отступила. Медленно. Нехотя. Все еще недовольно ворочался внутри меня зверь, назвавший маленькую колдовочку, своей.

Кристиана отвернулась. Я видел, как нервно вздрагивают ее пальцы. Слышал ее рваное дыхание.

— Кель, ты полюбился мне. И мое сердце обливается кровью, от мысли, что придется оборвать твою жизнь. Но выбирая между тобой и своей дочерью ни я, ни мой муж или сын не станут сомневаться. И я буду молить всех богов, чтобы Ари не отвергла тебя. Она не из пугливых, и вряд ли ее смутит то, кем ты есть. Но если ее сердце занято...

И снова эта злость, разрывающая на части. Одна мысль о том, что она может... нет. Не

может.

— Будь здоров и полон сил, — сказала она на алларийском, прежде, чем исчезнуть. — И сделай все, чтобы я не оплакивала тебя раньше, чем закончится путь отмерянный богами для того, кем ты являешься.

Ари пришла в себя на рассвете третьего дня.

Все это время я чувствовал себя так, будто из меня вынули душу, а тело оставили блуждать по лесу. Оно охотилось. Готовило. Ело. Поило родниковой водой колдовочку, которая хоть и выглядела уже не такой умирающей, но и приходить в себя не собиралась. Оно ходило или просто сидело, уставившись на беспокойные воды Быстринки. Но жизни в нем было ровно на столько, чтобы не лечь и не умереть.

Я всегда злился на богов, что они сделали меня простым человеком. Не дали того, на что я имел право по крови и рождению. А оказалось...

Они дали мне гораздо больше. И в то же время словно прокляли.

И вот теперь я ждал. Ждал, когда очнется Ари и разрешит мою судьбу.

Для себя я решил, что ни за что в жизни не стану принуждать ее к чему бы то ни было. Отпущу ее. А сам уйду. Куда угодно, лишь бы... и пусть эта мысль была невыносима сама по себе. Пусть от одного предположения хотелось спрыгнуть в холодные коварные воды Быстринки, я просто не имел права на нее. Не имел права обречь ее на жизнь с подобным мне.

А еще... Еще меньше всего на свете хотелось сделать больно женщине, что однажды вдохнула в меня веру в себя. Ту, что звалась колдовкой Кристианой. Как бы ни были жестоки ее слова. Как бы не били, подобно просоленным кнутам. Я был рад, что она появилась в моей жизни.

Сейчас, сидя на берегу реки рядом с бессознательной колдовочкой, больше всего я жалел только о том, что не родился из чрева женщины с глазами цвета расплавленного серебра. И пусть это самые глупые мысли, что посещали когда-либо мою голову, но именно они не давали покоя и напоминали, что я еще жив.

— Пить. — прошептала очнувшаяся Ари.

И пусть голос ее был слаб, а глаза закрыты, радости моей не было предела.

Я напоил ее водой, которую брал из родника, выше по течению, что пах серебром. И... боги и дальше я просто не знал, что делать. Просто сел рядом и ждал, что скажет она. Спросит. Испугается ли меня? Вспомнит ли, что произошло в тот день? Видела ли, как я голыми руками убил вестиянцев?

— Выглядишь, словно это тебя из-за грани вернули. — сказала она и улыбнулась.

Выглядело это не очень убедительно, но все же я улыбнулся в ответ.

— Ты... хочешь есть?

— Хочу. Хочу мясной пирог, что продается на Цветочной улице в лавке почтенного Нальвиха. — сказала она и, видят боги, сейчас я готов был сорваться с места и бежать до самой столицы, чтобы принести ей его.

— И тэрхи? — почему-то спросил я.

Она тут же помрачнела. Словно тень набежала.

— Ненавижу тэрхи. Давай, что у тебя там есть.

Я протянул ей мясо перепелки, что подстрелил и приготовил вечером. Оставив по обычаю половину, чтобы была еда, как она придет в себя.

Ари ела быстро. Сказывались дни, что она провела без сознания.

А я молчал. С новой силой навалился страх. Тот еще детский. Страх быть растоптанным. Отвергнутым. Брошенным. Страшно было увидеть в ее глазах то, что некогда видел в глазах матери. Сестры. Я боялся того, что снова испытаю ту боль, что когда-то чуть не сломала меня. Что все эти годы ныла в груди, словно старый шрам, не дающий покоя годами.

И в то же время мне нужно было знать. Невозможно убежать от себя самого.

Наконец, когда она расправилась с мясом и, омыв руки и лицо в реке, села оперевшись спиной о дерево, я решился на этот разговор.

— Ари, я должен тебе сказать...

Она поморщилась, как от кислого лэсме.

— Я не хочу слышать то, что ты станешь говорить мне, Кель. Видят боги, меньше всего мне нужно сейчас это слышать. И единственное, о чем я попрошу тебя, перед тем, как наши пути разойдутся, помоги вернуться на заставу.

Говорят, нет боли, которую не смог бы вынести воин. Ложь. Она есть. И сейчас кто-то внутри меня умирал. Медленно и мучительно. Захлебываясь своей беспомощностью и отчаяньем. Не желая мириться с действительностью. Требуя доказать силой, что она ошибается. И мне, Кельвару, названному колдовкой Кристинанной Стальным Ястребом, стоило невероятных усилий отделиться от чувств того, кто в гневе бился внутри меня.

— Да. — холодно сказал я и ушел, чтобы не видеть ее.

Чтобы не причинить боли той, что растоптала меня. Оставила без единственной надежды быть человеком. Быть кем-то. Быть любимым.

И в то же время я не мог поступить с ней подобным образом. Ни с ней. Ни с ее матерью. Не потому, что боялся ее угроз. А потому, что... наверное, любил. Одну, как мать. Вторую... вторую, как единственную женщину, с которой смог бы когда-либо связать жизнь. Жаль, что судьба так жестока ко мне.

И все же я надеялся, что однажды она поймет, что я не чудовище.

Лес всегда любил меня. Ласкал запахами и звуками. Принимал в свои объятия, как родное дитя. Его тропы стелились под ноги и прятали следы, оставленные мной в прелой листве.

Ари быстро уставала, но упрямо шла, даже когда я предлагал остановиться и передохнуть.

Мы почти не разговаривали. Она молча брела позади в нескольких шагах, стараясь не отставать, но и не приближаться.

А я прислушивался. К ее дыханию. К шагам. Вдыхал ее запах, смешанный с ароматом леса.

Наверное, это и было моей ошибкой. Потому, что не заметил, как они подкрались, как окружили.

Как жестока судьба к таким, как я.

Запах. Страха и гнева. Злости и решимости. И тех, с кем я делил кров и хлеб, последние годы моей жизни.

— Отойди от нее, — выкрикнул Сатэм, багровея от злости. — Кель, оставь ее, и мы не станем тебя убивать.

Зря он это сказал. Тот, кто назвал колдовочку Арвианну своей женщиной, расправил крылья. Мой разум помутился. И осталось только желание защитить. Убить их всех.

Их было много. Мои друзья. Солдаты с заставы и даже лейтенант Томх. А еще гончие, натасканные на то, чтобы убивать вестианцев. Сомнений не было, сегодня мне суждено умереть. И все же, я не собирался безропотно принять свою смерть.

Знал ли я, что по возвращению меня ожидает подобное? Знал. Таких, как я, боятся и презирают.

«Страх — наша власть!» — говорил отец. Как он заблуждался. У каждого страха есть границы. И я достиг своей.

«Ату!!» — выкрикнул кто-то, хриплым голосом, и с пахнувший кислым дешевым вином. И сразу шесть натасканных убивать псов бросились на меня.

Мой разум покинул меня. И только крик Ари звенел в ушах, подобно колоколу на Тверхемском Храме Всех Богов.

Наверное, я мало чем отличался от псов, что рвали мою плоть. Я так же рычал и кричал, только из горла то и дело вырывался птичий крик. Раз за разом на глаза падала красная пелена. И я даже не был уверен в том, вижу ли я это на самом деле или трупы собак разодранных или изломанных, мне всего лишь привиделись. Показалось ли мне, что Дарм, обнажив меч, мчится просто на меня, или это тоже была лишь игра воображения. И только крик Ари, надрывный и заполняющий всего меня, и запах свежей крови были реальны. В этом я был уверен.

«Кельвар» — звала она меня. — «Хороший мой, Кель. Вернись. Остановись. Подчинись моему слову»

Я мог послушаться. У нее не было власти на моим разумом. Но... как никогда ясно мне стало то, что это конец. Она больше никогда не сможет меня принять. Простить то, кем я есть. И мне стало все равно, что со мной станет сейчас. Ведь там, в будущем, я всегда буду

одинок и несчастен. Никому не нужен. А если и нужен, то далеко не тем.

Я смирился. Пусть боги сами решают, что со мной будет.

И когда моей, скользкой от крови ладони коснулась ее рука, маленькая, нежная, как лепесток лотоса, я вздрогнул. Не поверил. Подумал, что это снова разум играет со мной.

— Нам нужно бежать, Кель. Я не смогу долго держать их, — сказала она глядя мне в глаза своими синими полными слез глазами.

Ее синие волосы разметал ветер и ничего прекрасней в этом мире, для меня не существовало в этот миг. Больше не было крови и боли. Только ее прохладные пальцы в моей руке. Ее глаза и губы, что сводили с ума.

Она потянула меня за руку.

— Ну же, Кель. Бежим.

Я не позволил подняться надежде, едва поднявшей голову. Слабой и робкой. Но кивнул. И забросив ее на спину, бросился бежать со всех ног, не разбирая дороги. И радуясь тому, что лес спрячет наши следы.

Скалы. Голые скалы, столь горячие, что жгли мои лапы. Яркое солнце, слепившее, ставшие через чур чувствительными, глаза. И пустошь.

Значит, вот как выглядит грань между мирами.

Раньше я часто думал о том, какова она. Оказалось...

Что ж, я разочарован. Наверное. Если может быть разочарован тот, кто почти умер.

Я тряхнул головой и удивился тому, какой она оказалась маленькой. Хотел взмахнуть руками, а получилось — расправил крылья.

Они были прекрасны. Все же хоть чем-то боги порадовали меня.

Кельвар Стальной Ястреб.

Я действительно был ястребом. Красивой сильной птицей, которая вот-вот отправиться к праотцам.

Все же умирать не больно.

Между скалами зависло красное, как свежая кровь, солнце. Лететь к нему. Мне хотелось. И не хотелось. Там позади, оставалась жизнь. полная боли и непонимания. Там где я был никому не нужен, и сама моя жизнь оставалась пустым существованием. А впереди... какая разница, что там впереди. Если не будет той боли, что причиняет мир, для которого я чужой.

Я расправил крылья.

Взмах. Второй. Прыжок с нагретой солнцем скалы и поющий ветер подхватывает сильное стальное тело, поднимая его все выше и выше.

Странно, но мне хотелось смеяться. Вопреки всему. Отступали чувства, терзавшие мою человеческую душу. Таяли разочарования. Все становилось неважным. Чуждым. Смешным.

И снова взмах могучих крыльев. Где-то там внизу, сменилась картинка, и протянулось зеленое море. Лес. Он всегда любил меня. Теперь полюбит кого-то другого.

Еще несколько взмахов. И ветер свистит в ушах, выдувая остатки сомнений. И только щемящее чувство утраты не дает покоя. Чувство, что больше никогда не увижу ее. И только это омрачает мой первый и последний полет.

И хорошо, что глаза слепит солнце. Ведь тогда никто не узнает, что Кельвар Стальной Ястреб, уходя к праотцам, плакал о той, что никогда не станет его.

И еще взмах. И я закричал, стараясь выплеснуть разьедавшую меня тоску. Крик ястреба смешался с другим. Мощным и тонким.

Я уйду не один.

Путь мне заградила другая птица. Синий Феникс. Столь огромный, что закрыл от меня солнце.

Он был прекрасен. Наверное, я должен был благодарить богов, что последнее, что я увижу, будет столь прекрасное создание. И, вместе с тем я злился. Потому, что он не хотел меня пропустить.

— Не уходи, — услышал я голос Ари. И снова тоска захлестнула меня, не давая дышать. — Останься со мной, Кель.

Феникс закричал громче, отрезая мне путь. Но я и сам не хотел больше лететь к солнцу. Я хотел вернуться. Остаться с ней. Моей маленькой колдовочкой. Но что значат мои

желания?

Я очнулся, как с похмелья. Голова раскалывалась, а тело все ныло.

Не мог понять, ни где я был, ни что со мной стало. Только запах, свежий чуть горьковатый. Так пахло две женщины в моей жизни, и обоим я был рад.

Где-то совсем рядом несла свои воды река. Наверное, Быстринка. Другой здесь быть не могло. Да и место это было мне знакомо. И все же мне не верилось, что это все на самом деле. Что это не очередное видение.

И только когда надо мной склонилось самое прекрасное в мире лицо, на душе словно родилась весна.

— Очнулся, — сказала она, раздраженно, но с облегчением. — Еще раз... слышишь? Хоть раз.

Больше она ничего не сказала, просто сидела и плакала, глотая слезы с запахом моря. Размазывала их по щекам и хлюпала носом. А я смотрел на нее растеряннo и не знал, что сказать. И только когда успокоилась, и перевела дыхание я смог говорить.

— Зачем?

— Что зачем? — все еще всхлипывая, спросила она.

— Зачем ты... со мной... — я не знал, как спросить у нее о том, почему она пошла со мной, почему не осталась, почему не ушла, когда я свалился без памяти? Потому замолчал, глядя как по синему небу плывут белые барашки облаков.

Она тоже не спешила отвечать. Да и не смотрела на меня, наверное. В ее глазах я, скорее всего, был чудовищем. Не человеком. Но и не зверем. Точнее птицей.

— Я не могла тебя оставить, — наконец, сказала она и я, сам того не желая, напрягся. — Не думай, что я глупа. Я прекрасно понимаю, что мало что значу для тебя, и ты едва меня выносишь. А тот поцелуй... Я видела ее. Твою женщину. Сати. Еще тогда. На поляне, когда вязала тебе оберег. И не хочу, чтобы ты думал...

Она снова замолчала.

А я...

Я рассмеялся. И пусть она недовольно сопела. А у меня болело все тело перемотанное бинтами, пахнущими ею. Я был счастлив. Как дурак, радовался тому, что все оказалось так просто. И все же у меня есть надежда на счастье.

И только отсмеявшись, едва поднявшись на локтях, посмотрел на нее.

Она смотрела на меня, обиженно закусив губу. И казалось, если бы не мое бедственное положение, набросилась на меня с кулаками.

— Колдовка Арвианна, выходи за меня замуж, — сказал я, улыбнувшись и задержав дыхание, как перед прыжком в воду.

Ее глаза удивленно расширились. А после сузились и она зло прошипела:

— Никогда.

— Вождь Ренешаммер, — склонился я в полупоклоне.

Вестианский вождь, могучий и суровый, как вся его земля, сидел на широкой лавке на небольшом возвышении. В его шатре было душно, а свет исходил от пары чадящих жаровен.

У его ног устроились его жены, одна из которых качала малыша, а вторая поглаживала довольно большой живот. Вот-вот в мир должен был прийти еще один наследник династии северных вождей. Или наследница.

Небольшой стол, заставленный в основном мясом и кувшинами с выпивкой, исходил такими запахами, что у меня ту же взвыл желудок.

— Кельвар Стальной Ястреб, — нещадно коверкая таххарийскую речь, прокаркал вождь. — С чем пришел ты в мой дом?

Молоденькая рабыня, с виду таххарийка, хотя кто его знает, поднесла кружку слабого пенного, но весьма коварного, кванри, и я сделал несколько больших глотков. И только вернув кружку рабыне, заговорил.

— Тебе больше ничего не грозит с юга.

Ренешаммер погладил длинную путанную бороду, что значило, что он не верит ни единому моему слову.

Много десятилетий и поколений, точились эти войны, порожденные страхом и недоверием. И возможно, я возложил на свои плечи слишком много, взявшись их прекратить. Но у меня была сила, которой не было у других. И не было равной в Таххари. Меня боялись. И...

— Я не верю тебе, Ястреб, — наконец, озвучил он мои подозрения.

— Но...

— Они всегда врут. И как мне знать, что и ты тоже? Может, ты просто хочешь моей смерти. Мои земли и жен.

— Если он хочет твоих жен, я убью его собственными руками.

И я мимо воли улыбнулся, оборачиваясь на тонкий голосок своей жены.

Даже в полутьме, царившей здесь, я видел каждую черту ее лица. Каждую косицу, замысловато заплетенную по вестианскому обычаю. Каждый изгиб ее тела, под плотной шерстяной тканью платья, которое желал даже сейчас, когда она носила наше дитя. И меня посетила неуместная мысль, что плевать мне на то, что скажет и думает вождь. По крайней мере, до утра.

— Ари Синий Феникс, — протянул вождь, расплывшись в улыбке, и я неосознанно зарычал, не в силах сдержать раздражение.

На что вождь только рассмеялся.

— Ястреб, не злись. Кто не знает твою жену, может расставить на нее силки. Да только в них и попадет.

Я усмехнулся. Улыбнулась и она, глядя на меня с тем выражением в глазах, которое заставляло сердце то биться в сумасшедшем темпе, то замирать. И мне плевать было уже на весь мир.

Я подошел к своей колдовке. Обнял, положив руку на едва показавшийся живот.

— Идите прочь. Я буду думать, — рявкнул вождь, едва сдерживая улыбку.

Мы пошли.

В свой шатер.

И едва за нами закрылся полог, как я перестал сдерживать свое желание.

Я сгорал от ее рук стаскивающих с меня одежду, от ее губ прокладывающих дорожки их поцелуев по моему телу. От ее стонов, когда мы сливались воедино. От ее крика наслаждения. Я сходил с ума, когда ее пальцы впивались в мои плечи, оставляя царапины. А после, уставшая, она зализывала их, подобно кошке и я снова опрокидывал ее на спину, пока она не засыпала уставшая и насытившаяся.

Вот и сейчас. Ари дремала, раскинувшись на шкурах, уставшая, с улыбкой на губах. А я был счастлив, что она у меня есть.

Я натянул штаны и вышел из шатра. Холодный северный ветер тут же вылизал разгоряченное тело. Но я был рад ему.

— Что ж, я рада за вас, сын. Ведь я могу называть тебя теперь сыном? — спросила, невесть откуда взявшаяся Кристиана.

И хоть было темно, я отчетливо видел ее. Не как человек. Как зверь. Чувствовал ее запах.

— Ты станешь бабушкой, — сказал я вместо ответа.

— Знаю.

Я замялся. Как было спросить у той, что знала все, о том, что тревожило меня все это время.

— Ты разве ничего так и не понял, Кель? — спросила она, по-птичьи склонив голову набок.

По ее плечу пробежала серая тень и шмыгнула за ворот рубахи.

— Что я должен был понять? — спросил я и отвел глаза, чувствуя себя маленьким неразумным дитем.

— Счастлив ли ты, сын?

— Конечно, — ответил я, ни секунды не задумываясь.

— Так почему тебя до сих пор тревожит то, унаследует ли твое дитя дар колдовской? Быть счастливым просто, Кель. Для этого просто нужно принять и полюбить себя таким, как ты есть.

Я кивнул. И вместе с этим с души свалился камень, тяготивший меня не первый день.

— Береги мою дочь.

— Ты ему сказала?

Колдовка хмыкнула.

— Когда у тебя будет дочь, а у нее появиться муж, я посмотрю, как ты будешь к нему относиться. Отцы всегда уверены, что ни один мужчина не достоин их дочерей. Родит — тогда скажу.

Я кивнул, спрятав улыбку. Что ж, Ари была права, ее отец и брат весьма суровы и круты нравом. А ей сейчас волноваться нельзя.

— Мне пора. Я еще наведаюсь к вам.

— С Ари не хочешь увидеться?

— Мы придем все вместе, — улыбнулась она. — Пусть и дальше думает, что все сделала сама. Если узнает, что ее свобода была не такой полной, как она хотела...

— Будь здрава и полна сил, — сказал я на алларийском.

— И ты воспитывай сыновей при здравии, — ответила она.

И уже скрывшись в темноте, я слышал, только благодаря своему почти звериному слуху.

— Вождь не так глуп, как хочет казаться. И тоже устал от войн.

Я улыбнулся.

Да. Мир всегда лучше даже самой хорошей войны. И растить детей лучше, зная, что у них есть завтра. С колдовским они даром или без. Главное, чтобы смогли найти свое счастье.

Больше книг на сайте - Knigolub.net